

Алексей Бобл

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Серия «Технотьма» – 8

ebooks@prospekt.org

Часть первая. Претенденты

Глава первая

Что же может блестеть там, в покосившемся доме на самом краю смертельно опасного некрозного пятна? Брошенное оружие? Рассыпанные монеты? Или, может, чудом сохранившийся предмет из прошлого? Ведь известно, что некроз консервирует, сохраняет от распада то, что в него попадает. А вдруг там... вдруг там такое, за что ему отвалят кучищу монет?!

Бяшка торопился. Над пустырем за озером уже рассеивался туман. Проредив облака, лучи восходящего солнца играли бликами на испещренной рябью поверхности воды. Слабые волны плескались о глинистый берег, было ветрено и зябко.

Грязь чавкала под ногами, каждый шаг давался с трудом. Юный бурильщик давно пожалел, что слинял из лагеря, не предупредив Георга: дорога вокруг озера заняла гораздо больше времени, чем он рассчитывал, спеша к пологой впадине на берегу, где на сваях лежала бетонная плита. Недалеко от нее, почти напротив, темнели клочки некроза. В его

остатках виднелись очертания неплохо сохранившегося дома с каменными стенами и обгоревшая пристройка. Раньше там был сарай для скотины или гараж, решил Бяшка, разглядывая покосившийся забор и двор перед пепелищем.

Забор тянулся далеко, насколько хватало глаз. Из пристройки выглядывал ржавый передок трактора на гусеничном ходу. Похоже, здесь когда-то жил богатый фермер, у него была семья, много батраков, но пришел некроз и погубил угодыя, заставив людей перебраться в новые места. А может, фермеры не успели уйти, стали симбиотами, и их истребили жрецы-каратели Ордена Чистоты, они же и пристройку подожгли.

Добравшись до плиты на сваях, Бяшка догадался, что это причал. В стороны от плиты расходились приземистые сгнившие мостки — возможно, раньше между ними ставили сети и разводили рыбу. Он свернул к забору и остановился у калитки перед домом.

Еще декаду назад, когда клан бурильщиков проезжал мимо, ферма полностью была под некрозом. Георг советовал старшине обогнуть ядовитое пятно и устроить лагерь на пустыре, благо озеро рядом и бассейн для улиток в глинистой почве легко заложить, но старшина Егорыч сделал по-другому. От вида некрозной

плесени его мутило, поэтому место для стоянки он выбрал за холмом, чтобы пустырь перед глазами не маячил и едкими выхлопами с нефтяного завода не тянуло.

Бяшка глянул на север, где виднелся завод Южного братства — самого сильного и крупного топливного клана во всей Московии, — отворил калитку и юркнул во двор. Он очень надеялся, что в доме на краю Капотни еще не побывали старьевщики. Некроз растворился только вчера вечером. Бяшка увидел это, когда по поручению Георга ездил на водовозке к озеру. Вряд ли кто успел продать ценные сведения об исчезновении ядовитого пятна собирателям древностей.

Полы куртки, которая была вдвое больше Бяшки, волочились по грязи. Георг убьет его за то, что взял куртку. Но она такая теплая, кожа мягкая на ощупь, и главное — в ней полно карманов, куда можно сложить мелкие находки.

Поднявшись на крыльцо, Бяшка оглянулся на дорогу, убегавшую к вершине холма, толкнул дверь и решительно шагнул в дом.

И тут же отпрянул. Наступив на длинную полу куртки, загремел спиной по ступеням. В комнате за дверью кто-то был — расположился в кресле напротив входа и смотрел на Бяшку.

Когда незадачливый искатель старины вскочил, чтобы дать деру, незнакомец не шелохнулся. Сидел, не меняя позы, положив руки на подлокотники. На коленях его лежала сабля. Подавив приступ страха, юный бурильщик остановился в шаге от крыльца, присмотрелся и понял, что кресло занимает высохшая мумия. На ней был светло-коричневый мундир с расшитыми золотой нитью погонами и фуражка с оранжевым околышем.

Погладив жесткий чубчик, Бяшка нервно хихикнул, подобрал полы, стянул узлом на животе — и как сразу так сделать не догадался, тогда бы куртка чистой осталась и он не упал. Скинул с плеч лямки походного мешка и прошел в дом.

Первым делом он забрал саблю. Обернул мешком ножны, украшенные дорогими камнями, потянул на себя. Захрустели кости, мумия подалась вперед, будто живая. Бяшка дернул сильнее и вырвал оружие из рук истлевшего мертвеца, повалившегося обратно в кресло.

Вот это находка! Бяшка радостно шагнул к дверному проему, разглядывая саблю в лучах восходящего солнца. Да за такую вещь в Лужниках отвалят целое состояние.

Убедившись, что на ножнах и гарде с

рукоятью не осталось следов некротной плесени, он снова подступил к креслу и склонился над воякой.

В том, что это именно вояка, Бяшка нисколько не сомневался. Погоны, серебристые шевроны на рукава цепляли только омеговцы. Правда, у наемников форма была черного цвета, и они носили матовые шлемы, а не фуражки, но все равно. Одно было непонятно: как этот офицер оказался в доме богатого фермера. Точнее сказать — когда? До появления некротоза или... Тьфу ты, не об этом надо думать. В Пустоши полно загадок и тайн — одной больше, одной меньше...

Бяшка осмотрелся. Под окном стоял покрытый пылью стол, на нем аккуратной стопкой лежали несколько толстых книг в кожаных обложках — тоже дорогая вещь, древние записи у старьевщиков в особой цене. Бяшка не умел читать, поэтому сразу убрал книги в мешок, сгреб со стола пару хрустящих упаковок с яркими надписями, показавшимися ему привлекательными, и нахмурился, озадаченно глядя через проем в соседнюю комнату.

Мешок заметно потяжелел, увесистая сабля в дорогих ножнах приятно холодила руку. Чего еще надо? Желание бродить по дому в поисках древностей пропало: ну какой смысл заглядывать

в комнаты, когда ты уже и так разбогател. К тому же можно напороться на остатки некроза. Вон, обгоревшая пристройка до сих пор покрыта плесенью...

Он вышел из дома, посмотрел на небо. Солнце едва поднялось над холмом — время завтрака. Вскоре бурильщики соберутся на переключку, но Бяшка успеет в лагерь до ее начала. Была бы возможность вернуться по дороге через холм, он бы и позавтракать смог. Но на въезде в Капотню, перед лагерем, стоит застава нефтяников, они непременно остановят и обыщут юного бурильщика и отнимут все находки.

Повесив мешок за спину, Бяшка побежал к причалу. Свернул, чтобы обогнуть вдоль берега ферму, и остановился. С пустыря в сторону озера, рокоча мотором, катил сендер. У машины был угловатый ржавый капот, решетка радиатора с гнутыми прутьями, вместо фар из черных глазниц по бокам торчали пучки проводов, дверей и кабины нет. Громко дребезжало смятое гармошкой правое крыло, из-под колес, обутых в широкие шины, летели пыль и мелкое крошево. В открытом кузове сидели трое. На головах у двоих были повязаны рыжие банданы.

Кетчеры! Бросив мешок, Бяшка повалился на живот и пополз к причалу, мяся локтями глину. Как он про кетчеров не подумал?! Должно быть, у

них схрон где-то поблизости, землянка, потому что на пустыре, кроме торчащих из земли фундаментов древних домов, оплавленных каменюк и покосившихся решетчатых мачт с обрывками проводов, никаких построек нет. Тут никто не живет, даже мутафаги. На пустыре полно некротных пятен — а там, где некроз, все живое быстро гибнет.

Что делать? Завод нефтяников далеко, стоит на самом краю Капотни, до него полдня шкандыбать, лагерь бурильщиков за холмом — зови на помощь, не услышат. Было б какое оружие...

Он встал на четвереньки, тяжело дыша, вытащил из ножен сверкнувшую на солнце саблю, взмахнул и сразу передумал выходить с ней против кетчеров. У бандюков наверняка есть огнестрелы. Завалят — пикнуть не успеет. В мешке остался молоток, прихваченный в мастерской у Георга, — но какой с него толк? Бяшка отбросил саблю и пополз к воде: может, кетчеры позарятся на находки, а его не тронут, уедут.

Рокот быстро приближался.

Промокшие штаны и куртка потяжелели от грязи, прилипли к телу, предательски громко стучали зубы — то ли от холода, то ли от страха.

Бяшка вжался в глину, надеясь, что сендер сейчас взрыкнет мотором и порулит прочь от озера. Но этого не случилось. Машина подкатила к причалу, двигатель потарахтел на холостых и смолк.

Вверху раздался кашель, и хриплый голос произнес:

— Где он?

— Вниз уполз, — пробасили в ответ.

— Шпага, давай за ним, — приказал хриплый.

— А чего я? — фальцетом возразил третий кетчер. — Чуть что, Шпага — туда, Шпага — сюда. Пусть Кент под плиту лезет.

— Лезь! — рявкнул первый и заперхал.

Захлопала грязь. Бяшка встал на четвереньки и, забравшись в холодную воду, спрятался за сваю.

— Кент, — откашлявшись, сказал хриплый. — Вон мешок на берегу, принеси пока.

— Угу, — буркнул кетчер и, чавкая по глине, побежал вдоль берега.

— Эй, головоногий! — позвал Шпага. — А ну

вылазь оттедова!

Бяшка закусил губу, сжал кулаки.

— Кому говорю, вылазь! А то как шмальну, — прозвучало уже под плитой.

Клацнул затвор.

Вздохнув, бурильщик выглянул.

Между сваями, пригнув голову, на полусогнутых стоял худой как жердь кетчер. Лицо вытянутое, уши оттопырены, смотрит не моргая темными глазами-пуговками, словно рыба из аквариума на банку с кормом.

— Ну! — Толстый ствол штуцера дернулся вверх. — Руки!

И Бяшка, приподнявшись, показал открытые ладони. На кетчере была затертая до дыр куртка из шкуры пятнистого маниса, узкие грязные штаны и кирзовые сапоги.

— Шагай наверх.

Шпага посторонился. Недалеко от него на берегу стоял Кент.

— Гля, чё нашел! — воскликнул тот. — Э, слышьте, да тут сухпаек, журналы нашей армии и

еще во!

Кент обернулся, помахал саблей.

— Холера, смотри! — крикнул он.

— Неси, — приказал хриплый. — Сейчас разберемся.

Когда Бяшка под прицелом штуцера выбрался из-под плиты, высоколобый и здоровый, как Георг, Кент уже стоял возле машины. Под его кожаной рубахой бугрились и перекатывались крепкие мышцы. В руках у кетчера была вскрытая упаковка с яркими надписями, одна из тех, что Бяшка нашел на столе в доме. Нижняя квадратная челюсть бандита прыгала вверх-вниз, с хрустом наминая давно не съедобные пластинки. Содержимое мешка лежало на капоте, а сам мешок Кент зажал под мышкой, где в петле висел двуствольный обрез.

— Подойди, — прочавкал здоровяк, доставая новую галету из пачки.

За баранкой сендера, поставив ногу на приступок, сидел третий кетчер, со скуластым лицом, в оспинах после земляной лихорадки. Он безразлично разглядывал плесневелый хлеб.

— Эй, э! — воскликнул Шпага за спиной у

Бяшки. — Мне оставьте.

Холера попробовал галету и, сплюнув, швырнул ее на капот:

— Жрите такое дерьмо сами.

Он близоруко уставился на Бяшку.

Шея кетчера была обмотана засаленным платком, лысину покрывали пятна лишая. Холера сутулился, кутаясь в серую шинель с блестящими пуговицами.

— Иди сюда, — сказал он, разворачиваясь на сиденье. — Кто такой?

Шпага подскочил к машине, схватил галету и вгрызся в нее, показав редкие кривые зубы.

Бяшка подошел к сендеру и оглянулся на холм за озером в надежде, что там появится водовозка клана. Вдруг в мастерской Георгу еще вода понадобилась, и он отправился к озеру в такую рань...

— А ну хватит! — заорал вдруг Холера.

И все вздрогнули.

— Жвала придержите. Вы чё, коровы-мутафаги?!

— Ну, это... — протянул виновато Кент, положив упаковку с галетами на капот. — Командир...

— Зачем ты так? — добавил Шпага и громко сглотнул. — Мы ж три дня не евши...

— Смолкни! — кинул Холера.

Его брови сдвинулись к переносице, глаза стали как две щелочки.

— По-вашему, я должен допрос учинять? — Он выпятил щетинистый подбородок. — Мы пленного взяли... Давай, Кент.

Мясистыми пальцами здоровяк вытер пухлые губы и повернулся к Бяшке.

— Ты мутант? — произнес он, двигая челюстью, словно дробильный пресс в мастерской у Георга.

— Чего? — Бяшка насупился, прикидывая, стоит ли попытаться отобрать у Шпаги штуцер, висевший у того на плече. Только руку протянуть, схватить за приклад, развернуть стволом к кетчерам и... Нет, не выйдет, ремень у ружья короткий, не получится его с плеча сорвать. Кетчеру достаточно руку согнуть...

— Башка у тебя вона какая, — пояснил Кент, разведя лапищи в стороны. — Большая.

— Я бурильщик, — с вызовом произнес Бяшка. — Это вы...

Он осекся, встретившись с холодным взглядом Холеры.

— Кент, — тот дернул подбородком, — научи малого, как надо со старшими разговаривать.

Бяшка отпрянул, когда здоровяк шагнул к нему, выхватив из-за пояса нож с широким кривым лезвием.

Клинок свистнул перед носом бурильщика. Кент ловко перебросил его в другую руку — сразу стало понятно, что делает он это не впервой.

Бяшка приготовился закричать изо всех сил, вдруг кто услышит, открыл рот — да так и замер.

Кент, играясь ножом, бормотал, что расплосует Бяшкину голову на дольки, как крымский арбуз. Шпага лыбился, а Холера ухмылялся. Кетчеры не видели, как из затянутой некрозом пристройки за их спинами появился пустынный, одетый в драный халат, с тюрбаном на голове и платком, скрывающим половину лица. Он уверенно перемахнул через забор и

пошагал к сендеру, неся на плече деревянный посох. Иногда пустынные странствуют в одиночку, иногда — с караванами, считается, что они приносят удачу, защищают торговцев в Пустоши от невзгод и напастей. Но к вышедшим из некроза такое не относится. Нельзя пройти через ядовитую плесень, не став симбиотом.

Бяшка подумал было, что у него глюки приключились. Это частенько случается с бурильщиками, которые давно занимаются своим делом и работают в затоне без особых масок. Во время сбора урожая улитки выделяют слизь, от ее запаха, как от дурман-травы, в голове случаются видения, а непривычные люди и вовсе сознание могут потерять.

Пустынный врезал посохом Шпаге под колени, тот вскрикнул и, получив в довесок по затылку, рухнул на землю. А пришелец из некроза уже запрыгнул на капот сендера, схватив молоток. Кент не успел развернуться — брошенный инструмент врезался тупым концом ему в щеку. Хрустнула челюсть, и здоровяк, утробно хрюкнув, повалился лицом в грязь.

Узкий прямой клинок, непонятным образом возникший в руке пустынного, со свистом рассек воздух. Холера пронзительно закричал, схватившись за левое ухо.

Незнакомец наотмашь залепил ему ножнами по правому, и кетчер вылетел из кузова.

Бяшка стоял с раскрытым ртом, боясь пошевелиться. Пустынник выпрямился на капоте, окинул взглядом неподвижные тела бандитов и вложил меч в ножны. В руках у него теперь был обычный деревянный посох.

То есть посох из двух частей состоит, промелькнуло в голове у Бяшки, пытавшегося унять дрожь в теле. Его плечи, руки, пальцы, колени безудержно тряслись, стучали зубы. Прежде он никогда не видел, чтобы симбиоты действовали так, так... хладнокровно и расчетливо. Твари, которые иногда выбредали из некрозных пятен, всегда вели себя как тупые, ничего не замечающие перед собой создания. Напрочь лишенные рассудка, они выли и мычали, сдирали кожу с лица ногтями, пуская изо рта кровавую пену, и вскоре падали замертво.

— Н-не... — выдавил Бяшка, клацая зубами, — не уб-бивай.

Пустынник спрыгнул с капота, перешагнул через Кента и подошел вплотную. Стянул с головы тюрбан.

— Вик! — выдохнул Бяшка.

И, всхлипнув, опустился в грязь.

*

Ферзь попробовал шевельнуть пальцами. Он почти их не чувствовал, руки были крепко стянуты за спиной тонкой бечевой. Рот заткнули чензиром, наполовину окостеневший кусок вогнали так, что язык прижало к небу. Перед тем хозяин нищих кварталов успел-таки всадить нападавшему в ухо шило, которое всегда прятал в рукаве, но здоровенная тварь, придавившая его к стене полутемного барака, даже не вскрикнула. Потом Ферзю на голову набросили мешок и ударили его чем-то тяжелым в висок.

Очнулся он уже в повозке. Судя по шипению и тихому топоту впереди, ее тянули ящеры-манисы. Во рту скопилась вязкая горечь, чензир, пропитавшись слюной, разбух. Ферзь сглотнул и сразу пожалел: измученный язвенной болячкой желудок взбунтовался, перед глазами поплыли круги, горло сдавило спазмом. Замычав, старый вор рывком перевернулся на живот и шумно задышал носом.

И тут же сильные руки надавили на плечи, прижали голову и ноги к дощатому полу.

Ферзь лежал с закрытыми глазами и старался привести мысли в порядок. Не прикончили сразу,

значит, вопросы задавать станут, выведывать что-то, может, пытаться, а уж после... И как это отребье ночью да незаметно в нищие кварталы пролезло? Почему никто их не услышал, когда столько братвы кругом было, когда каждый в Москве знает, что ночь — это время Ферзя?

Повозку тряхнуло на ухабе, он открыл глаза. Его похитили не монахи, им не до того сейчас, у них новый Владыка — Ильмар Крест, брат Преподобного Геста, сгинувшего как три декады в предместьях Минска. Они власть сейчас в Храме делят. И не топливные короли на свободу старого вора посягнули, не Меха-Корп, не башмачники и уж тем более не люберецкие кормильцы. Тогда кто? Кто на беспредел пошел? Кланов хорошо знают, на что способна разъяренная беднота. Ферзя не просто будут искать, в городе поднимется такой шум...

Мешок на голове вонял гнилью, отчего сильно мутило, но приходилось терпеть. Терпеть и ждать.

Зашипели манисы, впереди и сзади завыли панцирные волки, и Ферзь вздрогнул. Сколько он был в отключке? Волки в Большой Московии только на ничейных территориях водятся. Стало быть, повозка давно из города выехала. Но как похитителям удалось миновать патрули и заставы Ордена?

Он глубоко вдохнул носом. Сбоку у борта кто-то завозился, цепляя ноги, покудахтал, будто курица на насесте, и вой оборвался.

Ферзь удивился еще больше. Обычно хищники охотятся стаями и если учуяли добычу, то не бросают ее, загоняют и после атакуют по старшинству, изматывая жертву укусами, чтобы вожак потом добил. А тут...

Он напряженно прислушивался. Повозка катила с прежней скоростью, в кузове никто больше не возился, даже ящеры перестали шипеть. Бежали себе, тихо стуча ногами по земле. Звук был таким, будто палкой-колотушкой ковер несильно выбивают — видимо, ступни манисам обмотали тряпками, вот и не слышно почти.

Так куда ж его везут? Везут со всей осторожностью и так быстро, что даже мутафаги отстали, а может, их что-то напугало или... От затылка по позвоночнику сбежал неприятный холодок, плечи покрылись мурашками: в повозке едет гронг! Но откуда ему в Москве-то взяться? Хотя... в городе давно такого не бывало: на Ленинском и Можайском трактах монахи дежурят целыми отрядами, рабы Ордена укрепления строят, то же и в Балашихе с Капотней происходит; Щелковский тракт топливные кланы перекрыли, всех под ружье

поставили, даже старателям оружие раздали. А все почему? Нашествия кочевых племен опасаются. Ведь не случилось прежде, чтоб мутанты пошли войной на всю Московию!

За две прошлых декады Ферзь получил от стукачей столько сведений, сколько не поступало за сезон. Мрачные то были известия, одно страшней другого. Кочевые разрушили переправу через Разлом на Ленинском тракте и сожгли поселок Южного братства вместе с нефтяной платформой. Убили всех, даже женщин и детей не пощадили. Потом мутанты заняли Кислую долину — а от нее до Можайского тракта не так уж и далеко.

В город больше не идут караваны торговцев с юга, а люберецкие кормильцы подвозят лишь дешевую крупу, муки совсем нет. Лужники почти опустели, цыгане всем табором в Рязань подались, испугались нашествия мутантов.

Ферзь хотел сегодня ночью сходку провести, чтобы вопросы порешать, как дальше жить и что делать, если кочевые племена рискнут Москву штурмовать. Только Дуля и Болт, смотрящий с бригадиром, в квартал к полудню не подтянулись. Пришлось на их поиски своего помощника Крапиву отправить. Старый вор ему не особо доверял, тот без дурман-травы и дня уже прожить не мог, а с наркомана какой спрос...

И Крапиву, как и Дулю с Болтом, Ферзь тоже не дождался. А около полуночи похитители явились, по-тихому перемочили охрану и вывезли его из кварталов. Без предательства точно не обошлось.

Далеко впереди стрекотнул пулемет, следом гулко бухнули два взрыва и защелкали одиночные выстрелы. Ферзь насторожился. В ногах опять кто-то заворочался и тихо прокудахтал, в ответ с передка коротко прогырчали, сбоку раздался гортанный возглас, шлепок, будто оплеуху кому-то отвесили, и пролилась длинная тирада, перемежаемая ругательствами. Говоривший помянул некроз, злых духов пустыни, катранов и чей-то зад. И все это было сказано на крымском наречии, то есть языке кочевых племен.

Все, сомнений у Ферзя больше не осталось: его похитили мутанты. Он вырос на горе Крым и неплохо понимал южан, их гортанный выговор.

Повозка резко остановилась. Захлопал тент на ветру, мутанты в кузове опять начали спорить. Из разговора старый вор заключил, что они возле Разлома.

Вскоре спор прекратился, и повозка плавно покатила дальше. Где-то справа, похоже, за Разломом, опять огрызнулся пулемет. Под днищем тихо зашелестели шины по железному

настилу, характерно постукивая на неплотных стыках клепаных листов.

Его везут по мосту на Можайском тракте, определил Ферзь. Только у этой переправы настил из железа, остальные покрыты досками, которые давно разошлись и сильно скрипят под колесами. Сзади, рыча, скребли и цокали когтями панцирные волки. Сколько же их, десятков, два? Стало быть, в повозке есть гронг и, может, не один. Вот почему манисы так спокойно переносят присутствие волков, а те не нападают. Гронги — твари, живущие в глубине Донной пустыни, они могут мысленно управлять мутафагами.

И тут Ферзя прошиб холодный пот. Мост! Мутанты захватили его, раз так спокойно катят на другую сторону Разлома. Выходит, омеговцы, контролировавшие переправу, разбиты. А ведь солдаты-наемники — серьезная сила, они всегда здесь отборный батальон держали...

Колеса зашуршали по каменному крошеву, повозка пошла в гору. Теперь отовсюду доносился мутантский гомон, бряцало оружие, рычали волки, шипели ездые ящеры. Да сколько же тут тварей собралось?! Ферзь попытался припомнить места в округе: справа на краю Разлома стоят казармы омеговцев, чуть дальше — поселок ломщиков камня, их артель по

всей Московии старые дома разбирает, кирпич сортирует и часть на рынке продает, остальное по заказу Южного братства для укреплений Цитадели топливных королей поставляет. Людей здесь жило больше тысячи, это если с солдатами считать. Получается, что всех их перебили!

Старый вор не хотел верить, что твари так запросто справились с вооруженной охраной и крепкими артельщиками. Как такое может быть? Напрашивалось лишь одно объяснение: мутантам кто-то помогает. Кто-то очень, очень опытный! Кочевые племена умеют воевать — у себя в пустыне и на Крыме, где им знакома каждая расселина, утес, любая впадинка на равнине, покрытой черствой коркой донного ила. Но чтобы они захватывали и жгли поселок за поселком в Московии?! Нет, их явно научили, как это делать, подсказали, направили. Кто?

Похоже, вскоре он узнает.

Глава вторая

Вик со второй попытки воткнул нужную передачу и направил гремящий, как консервная банка с гайками, сендер к холму.

— Ты вовремя, — долетел сквозь рокот движка звонкий голос Бяшки, который перебрался в заднюю часть кузова и запихивал под сиденье завернутую в тряпье саблю.

— Что? — не понял Вик.

— Появился, говорю, вовремя. — Бурильщик, привстав, подался вперед. — Еще самую малость... Ой!

Приноравливаясь к незнакомой машине, Вик резко вывернул руль, и Бяшка едва не свалился за борт. Он вцепился в поржавевшую стенку и завопил, чтобы его спаситель сбросил скорость.

— Держись крепче! — откликнулся тот. — Дай на дорогу выехать, там поговорим.

Натужно гудя, сендер взбирался по крутому бугристому склону, приближаясь к накатанной колее.

Перед поездкой Вик оторвал смятое гармошкой крыло в надежде, что бандитская

тачка не будет так гроыхать. Но он ошибся — сваренная из деталей от разных машин рама скрежетала, кузов сильно трясло, стучали в стойках амортизаторы, из которых давно вытекло масло. Было удивительно, как вообще эта развалина еще держит приличную скорость. Камни громко молотили по днищу, из-под переднего колеса с правой стороны в кузов летели пыль и мелкое крошево. Вот почему Бяшка предпочел перебраться назад.

Вырулив на колею, машина пошла плавней. Вик оглянулся. Между озером и клочками некроза, накрывавшими ферму, у причала виднелись фигуры кетчеров. Холера и Шпага уже были на ногах, а Кент по-прежнему лежал лицом в грязи, раскинув руки.

Вик отобрал у бандитов револьвер и штуцер, найденные к ним патроны ссыпал в котомку, которую отыскал в кузове. Обрез Кента забирать не стал, патронташ с кетчера срезал и забросил на выступавшую из воды песчаную отмель, чтобы его могли достать.

— Зря ты им оружие оставил, — зло сказал Бяшка, глядя вниз. — Надо было прикончить их.

Вик не ответил. Выехав на вершину холма, он остановил сендер. Перегнувшись через спинку сиденья, взял штуцер, клацнул затвором и сунул

Бяшке.

— Валяй. Они как на ладони, — он мотнул головой в сторону кетчеров, — даже если побегут, легко попадешь.

Бурильщик насупился.

— Что не так? — продолжал Вик. — Ты же их прикончить хотел?

Бяшка отодвинулся назад, бросив ружье под ноги.

— Чего ты мне его суешь? Сам стреляй. — Он помолчал, поджав губы. — Ты какой-то другой.

— Говори ясней. — Вик отвернулся и посмотрел на пустырь за озером, где вдали, на самом краю Капотни, высилась громада нефтяного завода. Блестя на солнце стальными боками, в центре стояли гигантские цистерны, под ними виднелись емкости поменьше. В стороны от топливных хранилищ темными лентами тянулись толстые трубопроводы. Один уходил влево к высокой конструкции из скрещенных штанг, конец его терялся в их сложном переплетении, другой соединял завод с нефтяной платформой, расположенной справа. Казалось, эта черная махина, вмещавшая сотни насосов, кран-балок, лестниц и одному некрозу

ведомо каких еще механизмов, висит над землей, потому что сваи, на которых она держится, скрадывала утренняя дымка. Рядом с платформой, упираясь макушкой в небо, стояла высоченная решетчатая мачта, увенчанная площадкой с сетчатым ограждением. Внутри мачты проходила труба, ее верхний конец немного выступал над площадкой, языки огня плясали там, исторгая густой едкий дым. Ветер тащил его шлейф в сторону реки, вившейся между пологими холмами до самого горизонта, разнося неприятный запах по всей округе.

— Другой, — повторил Бяшка. — Изменился. Весь суровый такой... Во, смотри!

Вик обернулся. Шпага, войдя по колено в озеро, осторожно продвигался к отмели, где лежал патронташ Кента.

— Не бойся, порох в гильзах давно отсырел, — успокоил Вик своего юного друга. — Даже если ему удастся выстрелить — дробь сюда не добьет.

— Ага. — Бяшка кивнул и уставился на приятеля большими светлыми глазами. — Вик...

— Что? — Тот уже понял, о чем сейчас спросит бурильщик.

— Некроз...

— Что — некроз? — продолжал разыгрывать непонимание Вик, скосив взгляд на озеро.

— Ну-у, — протянул Бяшка, — ты был в нем. И ты...

Шпага отыскал в воде патронташ, что-то радостно крикнул Холере и быстро зашагал к берегу, поднимая брызги.

— И я не симбиот, — отвернувшись, заключил Вик и положил руки на руль.

— Да, — выдохнул Бяшка.

— Я тебя спас?

— Угу.

— Ты мой должник. — Вик взялся за рычаг переключения передач, глядя на колею впереди.

— Да, — угрюмо ответил бурильщик.

— Еще вопросы будут?

Бяшка грустно вздохнул, поняв, что от него требуют помалкивать. Слыханное дело — разгуливать по некрозной плесени и при этом не умереть! Ну как про такое смолчать?

— А Георгу сказать мо...

— Ни слова о некрозе! — отрезал Вик. Включил передачу и повел сендер вниз по склону. — Куда на развилке сворачивать? — бросил он через плечо.

— Влево рули, вдоль русла.

Сендер быстро скатился с холма, оставив позади облако пыли. Справа потянулась река, за которой простиралась каменистая равнина.

— Чего так далеко забрались?! — прокричал Вик, не оборачиваясь. — Места поближе не нашлось?

— Не. — Бяшка наклонился вперед. — Тут дело в другом. Мы ж сначала хотели рискнуть и к Ржавому озеру пойти, когда топливные нас таким подрядом снабдили. У-у-у...

Бяшка ткнулся лбом в спинку сиденья: Вик резко сбросил скорость, объезжая рытвину на дороге. Сендер накренился, попав одним колесом в яму, скрипнула задняя ось, громко стукнул амортизатор в стойке. Вик прибавил газу, машина подпрыгнула и снова выскочила на дорогу.

— Что за подряд?

— На раствор, — потирая ушибленный лоб,

отозвался Бяшка. — Они ж стену новую вокруг Цитадели нашим раствором скрепляли. Видать, понравилось. Заодно и мясо улиточное покупать договорились. Весь урожай. Согласись, выгодный бизнес.

Вик кивнул.

— У нас маленький клан, — продолжал Бяшка.
— А в Капотне безопасно...

— Безопасно? — впереди был ровный участок дороги, и Вик, решив проверить, на что способен сендер, утопил педаль в пол. — А разве за внуковским полем у Ржавого озера неспокойно?

— Ты что?! — воскликнул бурильщик. — Там же мутанты! На Ленинский тракт теперь только дурак сунется. Говорят, твари заняли Кислую долину. Весь юг Московии... Вик, ты словно с неба свалился...

Зашуршали покрышки, визгливо вскрикнули тормозные колодки, и Бяшка опять треснулся лбом о спинку.

— Ты чего? — обиженно заворчал он, откинувшись назад, когда сендер остановился. — Чего машину так дергаешь, я чуть нос не расквасил.

Вик, обернувшись, серьезно взглянул на него.

— Ну что ты на меня так смотришь? — сказал Бяшка.

— Извини. — Вик закусил губу, вспомнив свой полет через половину Пустоши в капсуле с реактивным двигателем.

Ведь он действительно недавно упал с неба. Не зная толком, что происходит в Московии, приземлился на ничейных территориях и едва не погиб от удара о землю. Капсула шандарахнулась так, что приборы вышли из строя, а по корпусу протянулась длинная трещина, и сопло отвалилось. Отойдя от посадки, он принялся разыскивать бурильщиков: в свой бывший клан Вик не мог вернуться. Архип Дека, глава башмачников, его бы пристрелил сторяча, уж слишком они невесело расстались. И вообще в Москве было опасно появляться, его мог узнать кто-нибудь из монахов, хоть и пробыл он в Храме недолго. [\[1\]](#) Поэтому, прикинув все «за» и «против», Вик направился в сторону Балашихи. Шесть дней пробирался по руинам, опасаясь встречи с панцирными волками, старался идти через некрозные пятна и вышел к поселку рыбаей. Обойдя его, выбрался на Щелковский тракт, там повстречал цыган, пыливших всем табором к границам Московии, и узнал от них,

что бурильщики переехали в Капотню. Цыгане его немного подвезли, пока Вику было по пути. Их барон, прослышав о странствующем пустыннике, предложил примкнуть к каравану, пообещал путешествие в комфортных условиях до самой Рязани, бесплатно кормить и даже приплатить, лишь бы удача сопутствовала цыганскому табору в дороге, ведь пустынники приносят удачу всякому, кто о них заботится. Поездка предстояла долгая, поэтому барон намекнул, что неплохо бы Вику остаться в таборе навсегда. Но тот отказался, опасаясь, что цыгане потребуют от него свершения обрядов, которые исполняют пустынники-анахореты по просьбам страждущих и о которых Вик понятия не имел. Точней сказать, не успел узнать, пока странствовал вместе с Преподобным Гестом через Пустошь под видом пустынников, давших обет молчания.

— Эй! — Бяшка поводит рукой перед лицом у Вика. — Ты здесь?

Тот, очнувшись от нахлынувших воспоминаний, вздрогнул, перевел усталый взгляд на бурильщика и кивнул.

— У тебя глаза сейчас были, как у старого сборщика улиток, — беспокойно произнес Бяшка. — Блестели так, словно ты слизью надышался, и твои мысли пошли погулять...

— Все в порядке, — усаживаясь поудобнее, сказал Вик. — Я постараюсь вести ровней.

Он завел мотор и плавно тронулся с места, внимательно глядя вперед, чтобы не прозевать колдобину или крупный камень. Вскоре, объехав холм с южной стороны, он снова увидел стоявшие за пустырем нефтяной завод и платформу, а в низине справа, на самом берегу реки, оказались палатки — лагерь бурильщиков.

Вик шел туда, чтобы найти работу и обрести пристанище. После всего приключившегося с ним под Минском, полет в капсуле... Тогда единственным верным решением казалось возвращение в Москву. Вик нащупал под одеждой распятые Преподобного Геста, которое забрал у главы московского Храма после его смерти. Он и сам не знал, зачем взял распятые у покойника, хотел даже выбросить, но случайно обнаружил внутри скрытое электронное устройство и передумал. Решил показать Георгу, тот хорошо разбирался в технике, мог посоветовать, что делать с этой необычной штукой и про назначение впаивного между скрещенных пластин устройства рассказать. Поэтому Вик приехал в Капотню.

Дорогу впереди перекрывал шлагбаум, лежащий на бревенчатых козлах, рядом с ним, обнесенный забором с колючей проволокой,

стоял сарай с покатой крышей и стенами из жести, в стороне — трое вооруженных людей в брезентовых куртках. Наверняка в сарае есть еще кто-то.

— Это ваши? — откинувшись на сиденье, спросил он.

— Застава нефтяников, — отозвался Бяшка. — Крутые ребята. Они круглые сутки здесь торчат. Нас охраняют и за дорогой следят. Ближе к заводу еще заставы стоят, и патрули иногда ездят.

— Что им говорить? — Вик отпустил газ, начал притормаживать.

Самый высокий охранник шагнул к сараю и, отворив железную дверь, пригнувшись, нырнул внутрь. Два оставшихся крепких мужика с суровыми лицами, скинув с плеч карабины, подошли к шлагбауму.

— Лучше молчи, я поговорю. — И Бяшка полез на соседнее с Виком сиденье.

Когда сендер остановился, едва не упершись капотом в шлагбаум, стволы карабинов уже нацелились в них. Из сарая показался высокий охранник и зашагал к машине. Кожа на лице у него была бледная, правую щеку от переносицы

до скулы пересекал тонкий, как волос, шрам.

— Игнат! — Бяшка поднялся, улыбаясь. — Свои, Игнат.

Положив на плечо карабин, охранник молча пошел вокруг сендера. Вик, поворачивая голову, следил за ним.

Увидав штуцер в кузове, Игнат прищурился, отчего шрам изогнулся темной нитью на щеке, поднял недобрый, полный подозрительности взгляд на Вика и сказал:

— Кто такой?

Голос у нефтяника был низкий, грубоватый.

— Знакомец мой, — начал Бяшка, по-прежнему улыбаясь, — из Москвы...

— Умолкни, — оборвал Игнат. — Пускай сам скажет. — Он перегнулся через борт, отбросив к стенке посох Вика, взял штуцер за ремень и повесил себе на плечо. — Ну?

Бяшка тихонько присел, втянув голову в плечи.

Вик не знал, что ответить, собрался уже выдать все про пустынных-анахоретов,

Канториум при Храме и покойного Геста, когда от сарая долетело:

— Вот он где! Вот уши-то надеру! Тебе куртку кто разрешал брать?

Жужжа сервоприводами в локтевых суставах, к шлагбауму шагал высокий бородач — киборг Георг, одетый в выгоревшие добела брюки галифе и кожаные сапоги. Он не помнил своего прошлого и кочевал с бурильщиками по окраинам Москвы, делая самую черную работу. Силища у него была невероятная, он в одиночку таскал сцепку из трехпудовых плугов, мог за день распахать целое поле. Потом установить бурильную вышку, а когда в земле заклинит бур, выкрутить его из скважины, чтобы заменить новым. Движения рук Георга сопровождались шипением пневмосистемы. Вместо костей — каркас из титановых стержней, внутри суставы-поршни и баллончики со сжатым воздухом. Тонкие пластины, прикрывающие сочленения, разъело ржой. На правом локте из треснутого патрубка иногда выдавливалась капелька темно-коричневого масла и стекала по предплечью, оставляя бурые разводы на металле. Там, где когда-то были ключицы, из-под кожи выпирали две изогнутые пластины. Дельтовидных мышц нет, их заменили шарообразные подшипники.

— Поздорову, молодцы, — произнес Георг,

сильно окая.

Киборг обошел шлагбаум и встал возле машины.

— Вот ты-то, — он ткнул титановым пальцем в Вика, — мне и нужен. Где запропал?

— Ты его знаешь? — недоверчиво произнес Игнат, не сводя пристального взгляда с сидящих в машине.

— А то. — Георг запустил блестящую пятерню в бороду. — Этот малый наемным механиком в Москве промышляет. В технике сечет, что твоя ватага на нефтяном заводе.

У Вика челюсть отвисла. Он и вправду любил повозиться с разными механизмами, отец с детства подсовывал ему редкие древние книги и справочники, в которых были описания двигателей и паровых машин, чтобы сын научился не просто разбираться в сложных устройствах, но и мог при случае сам починить или собрать их, тем самым прокормить себя. Ведь хороший механик в любом клане на вес золота, без него как без рук. Вик для того сюда и приехал: наняться в клан. Но сначала он хотел переговорить с Георгом...

— Какой завод? Ты что несешь, механизм? —

набычился Игнат.

Георг, не заметив оскорбления, сцапал Бяшку за ворот, легко поднял над сиденьем и вытряхнул из куртки. Осмотрев ее, недовольно поцокал языком:

— Вот сорванец, где ж ты извозился так? — Он швырнул куртку Бяшке, который глядел на киборга, хлопая большими глазами. Похоже, юный бурильщик сильно радовался его появлению, ведь неизвестно, чем могло обернуться общение с грозным Игнатом. — Подвинься, что ль. — Георг дождался, пока освободится переднее сиденье, и уселся в сендер, положив руки на колени. — Открывай дорогу... — Пихнул Вика локтем в бок. — А ты заводи. — И с невозмутимым видом уставился вперед.

Охранники не сдвинулись с места, оба вопросительно смотрели на Игната. Тот, постукивая кулаком по капоту, обошел машину, встал, прислонившись спиной к шлагбауму, и произнес:

— Странный какой-то механик, на пустынного смахивает, посох у него... И сендер тоже странный... — Он обернулся. — Не этот ли позавчера видали на пустыре, а в нем трех кетчеров?

Один из охранников кивнул.

— В чем дело, Игнат? — пророкотал Георг и встал, выпрямившись во весь рост. — Ты что, меня в сговоре с бандюками обвиняешь? — Он стиснул Вика за плечо и так тряхнул, что у того из глаз брызнули слезы. — Или вместо этого малого ты мне дробильный пресс наладишь?

Игнат снизу вверх смотрел на Георга. На скулах нефтяника гуляли желваки, бледная кожа на лице пошла красными пятнами.

— Южному братству раствор нужен, чтоб укрепления вокруг завода возвести. Для того панцири улиткам раздробить потребуется. — Киборг отпустил Вика и постучал ребром ладони о ладонь. — В срок не управимся — я так и доложу Сельге, что моего механика в лагерь не пустили, потому работа встала и ко времени не успели...

Игнат плюнул на капот.

— Открывай. — Махнув охранникам карабином, шагнул в сторону, освобождая дорогу.

Георг сел.

— Пускай штуцер отдаст, — заводя мотор,

сказал Вик.

— Ружье верни, — потребовал киборг, повернувшись к Игнату.

Тот покачал головой:

— У меня побудет. Поедет в город — возьмет.

— Слышал? — Георг оглянулся на Вика, тот кивнул. — Трогай. — Киборг достал ветошь из кармана и принялся протирать масляные потеки на предплечье.

Сендер медленно пророкотал мимо сарая. Сквозь раскрытую дверь Вик успел разглядеть под стеной напротив входа столик, за ним сидел человек в наушниках. Он уставился пустым взглядом на железный ящик радиостанции перед собой и что-то бубнил в микрофон. В дальнем углу из сумрака выступали нары, с них свисали чьи-то ноги в сапогах. Видать, в сарае отдыхала смена охранников, дежуривших ночью.

— Сворачивай в низину и к излучине выезжай, — Георг указал титановой пятерней вправо, — на самый берег.

— К той бетонной коробке с ветряком на крыше? — Вик мотнул головой в сторону строения, наполовину вросшего в землю на

длинном пригорке, отделявшем лагерь от затона.

— Да.

Ферма бурлила. Между палаток сновали люди, как ползуны, копошились на дне недавно открытого бассейна.

— Какой глубокий! — воскликнул Вик, глядя на опалубку из бревен, возводимую бурильщиками. — Где вы столько леса взяли?

Высота стенок была примерно в три человеческих роста. В поперечнике бассейн мог сравниться размерами с озером за холмом.

— Из Сетуньской поймы привезли, — ответил Георг. — Нефтяники две сотни рабов пригнали, за три дня управились.

Сендер съехал с дороги, Вик свернул перед палатками и покатил к пригорку, огибая лагерь с правой стороны. Вскоре они миновали длинные подводы, на которых лежали бурильные вышки — решетчатые конструкции с широкими шайбами на концах опорных штанг. За подводами стояли катушки с тросами, штабели ящиков и мотоплуги.

— Георг, — Вик посмотрел на киборга, — а кто этот Сельга? Что-то не припомню такого

старшину в вашем клане.

— Сельга Инес, — влез Бяшка. — Один из топливных королей. — Подавшись вперед, он просунулся между сиденьями и тут же схлопотал щелбан от киборга. — Ай! — Юный бурильщик отпрянул назад. — За что?

— Цыц, малявка, не встречай, когда старшие разговаривают! Ну-ка, Вик, тормози.

Машина остановилась, не доехав до бетонной коробки самую малость. Георг обернулся.

— Вылазь. Пойдешь до Фёклы, она харч сейчас готовит. Поможешь ей по кухне и куртку заодно простирнешь. А как стоговит, нам в котелках притащишь.

— В мастерскую? — потирая лоб, с несчастным видом произнес Бяшка.

— В нее. И чтоб куртка была как новая, — строго сказал киборг. — Уяснил?

— Угу.

Когда Бяшка скрылся между палатками, Вик спросил:

— Георг, у тебя из-за меня проблем не будет?

Киборг смерил его взглядом, почесал бороду.

— Разберемся. Подгоняй сендер к воротам, сейчас дробильный пресс заведем. — Скривившись, он уставился на предплечье, где подтекало масло. — Представляешь, пар в котле травит, а где, никак не пойму. Все облазил. Шланги, клапана, насос в системе проверил — исправны. И травит, будь оно неладно. Поможешь?

Вик улыбнулся:

— Помогу, Георг.

— Поехали. — Киборг сел прямо и махнул вперед.

*

Ферзь сидел на табурете посреди светлой комнаты, скрестив перед собой кулаки, неспешно потирал предплечья. Пульсировали рубцы, оставленные бечевой на запястьях, пальцы дрожали, побелевшие ладони дышали холодом. Хотелось промочить горло, чтобы избавиться от вязкой горечи чензира, который он так и не смог выплюнуть, когда стянули мешок с головы. Разбухший кусок вынул здоровенный мутант в меховой безрукавке и шортах. Щерясь в лицо Ферзю своими желтыми клыками, он сдавил

дряблую шею старого вора, сунул грязные пальцы ему в рот и выковырял кляп.

Мутант сразу покинул комнату, оставив хозяина нищих кварталов наедине с человеком, расположившимся за столом напротив. Вор не спешил заговаривать с ним — не следует начинать первым, показывая обеспокоенность своим положением. Надо выждать, осмотреться, пусть незнакомец сделает ход, приоткроет карты.

Стены комнаты были усыпаны пулевыми отметинами. На выскобленном до желтизны дощатом полу валялись куски штукатурки, стреляные гильзы, в некоторых местах виднелись свежие пятна крови. Ферзь почему-то решил, что именно отсюда огрызался омеговский пулеметчик, стрельбу которого он слышал недавно. Справа от него стоял деревянный стеллаж с железными ящиками на полках, половина стены слева была занавешена красным полотнищем с шитой золотыми нитями подковой и словом *ОМЕГА* под ней. Ветерок, задувавший сквозь широкое окно с перекошенной от взрыва рамой, слабо колыхал изодранные осколками занавески. Их опаленные края лизали столешницу, на которую незнакомец положил ноги в кирзовых сапогах.

С непроницаемым лицом он листал толстую

книгу в кожаном переплете, не обращая на Ферзя внимания. Словно того не было в комнате, словно вор — часть убранства, мебель, к которой незнакомец давно привык. Он был плечист. Резко очерченные скулы, орлиный нос, острый подбородок и широкий лоб говорили хозяину нищих кварталов о многом. Ферзь хорошо разбирался в людях и сразу понял: перед ним тот, кто владеет грамотой, умен, умеет терпеливо ждать, чтобы в нужный момент прогнуть ситуацию под себя; привык повелевать, отдавать указания, которые незамедлительно исполняют, и, как и предполагал вор, не мутант. Так кто же он? Одет в брезентовую куртку, какие носят старатели-нефтяники, штаны из плотной материи, прошитые кожаными вставками. В сложившийся образ не вписывалась ссадина на лбу, затянутая коричневой коркой спекшейся крови.

За спиной раздалось шарканье, стук, и через комнату, посмотрев на Ферзя светлыми глазами, проковылял долговязый пацан. Вместо одной ноги у него был протез. Стуча по полу концом блестящего штыря, приваренного к люминевой гильзе чуть ниже колена, он обошел стол и склонился к незнакомцу. Тот даже не оторвался от книги, пока долговязый оживленно шептал ему на ухо. Выслушав известие, кивнул и перевернул страницу. Пацан выпрямился и

поковылял к выходу.

Лицо его Ферзю показалось смутно знакомым. Правильный овал, прямой нос, жесткие, темные, стоящие торчком волосы напомнили давнего кореша из Херсон-Града. Тот был искусным мошенником, вся его семья когда-то промышляла подставами на базаре Крыма. Вот только именно что когда-то. Связался тот с крабодيانцами, фраернулся перед ними, что знает, как инкерманских гетманов вокруг пальца обвести, партию выработанного для небоходов чензира у них из-под носа выкрасть. Сектанты, недолго думая, сдали его Раде Инкермана вместе с семьей, чтобы проблем потом не было. Гетманы — люди на расправу скорые — лютой смерти предали корешка, его сыновей и женку, скормили катранам в пустыне. Все это Ферзь узнал от одного жулика, прибывшего караваном с юга. А ведь он виды на кореша имел, хотел в Москву к себе перетащить, дела проворачивать, в долю взять, но не успел.

Шаги за спиной стихли. Незнакомец продолжал листать книгу. Вор покачал распухшим языком расшатанные передние зубы, громко сплюнул и с трудом согнул морщинистые пальцы. Ладони порозовели, вены на запястьях вздулись.

— Плохо выглядишь, Ферзь. — Захлопнув

книгу, незнакомец бросил ее на стол, поставил ноги на пол, сев прямо. — Промочи горло. — Он достал из-под куртки флягу и протянул Ферзю.

Вор молча поднялся, шагнув вперед, взял ее. Свинтив непослушными пальцами крышку, понюхал горлышко, запрокинул голову и принялся жадно пить. В животе громко заурчало. Вода была на удивление холодная, чистая и совсем не имела вкуса и запаха. «И где они такой набрали?» — возвращая флягу, подумал Ферзь.

— Напился? — произнес незнакомец. — Теперь сядь.

Властность в его голосе Ферзю не понравилась. Никто не смеет говорить с хозяином нищих кварталов в таком тоне. После голодного бунта в Москве каждый знает, какая за Ферзем сила стоит. Тогда Орден пытался задержать на въезде в город караван, прибывший с Моста. Вор забашлял за него кругленькую сумму своему давнему корешу Вонючке Погрызу, правильному торговцу с окраин Крыма. Мало кто знал, что в караване, помимо знаменитых арбузов Моста, были мешки с плодами кактуса мамми. Ферзь думал по торговле наркотой в Лужниках монополию устроить, но не срослось. Не иначе предал кто-то, сдал груз монахам. Только перестарались тогда жрецы-каратели, Арлекина по запаре кончили, он с караваном тем

от самого Моста ехал. Арлекин был приемным сыном Ферзя и правой рукой во всех воровских делах. Наследником, которого уважали в нищих кварталах, которому старый вор доверял больше, чем себе, и собирался вскоре власть в клане передавать. Пришлось из ситуации выгоду извлечь, внушить братве, что монахи решили голодом кварталы уморить, потому Арлекина застрелили и вскорости самого Ферзя в расход пустят. Беднота, не без указки бригадира и смотрящего, тогда в правильном направлении думала, на всех углах монахов стали резать. Город два дня стоял на ушах. После того в кварталы парламентар из Храма прибыл, головы Арлекиновых убийц привез и предложение о мире...

— Сядь! — грозно выплюнул незнакомец.

Расправил плечи, опершись на локти, сцепил пальцы перед собой и уставился на Ферзя тяжелым взглядом.

Скрежетнув зубами, вор вернулся к табурету.

— Ты pomoжешь мне, — услышал он, как только сел. — Твой интерес будет учтен.

Говорил незнакомец утвердительно, не торгуясь, не выказывая сомнений, мол, вопрос давно решен и на то не требуется согласия Ферзя.

Старый вор ухмыльнулся, открыл рот...

— Только не надо песен: смерти я не боюсь, на свете пожил, — опередил его незнакомец. — Знаю я вашу братию, понятия и воровские законы. Может, расскажешь своему смотрящему с бригадиром, как ты через подставных в Харькове уютное гнездышко свил? Выкупил рядом с Цехами кусок земли, на общаковые деньги дом построил.

Ферзь облизал мгновенно пересохшие губы. Вот паскуда, откуда ему про то ведомо? Этим вопросом покойный Арлекин занимался. Вор на старости хотел дела передать и свалить из Москвы. Все равно за нищие кварталы держаться особого смысла уже нет, еще несколько сезонов, и город сожрет некроз, если чуда не случится. Топливные короли с Орденом никогда не пойдут на поклон к небоходам. По слухам, у тех устройство особое имеется, растворяющее некрозную плесень. Но летуны только с Меха-Корпом дружбу водят, до остальных им дела нет. Все это понимают.

Красное полотнище на стене колыхнулось, за ним раздался слабый шорох, но занятый мыслями Ферзь не обратил внимания.

— А про сделку с Южным братством, — продолжал незнакомец, — про то, как ты

королям отстегиваешь, чтобы в Лужниках твои щипачи да кидалы спокойно работали, ты братве рассказывал?

— Кто ты, падла? — прохрипел Ферзь.

— Падла — ты. — Вор увидел в глазах собеседника усмешку. — Своих кинул. Ссучился. Тебя братва в нужнике утопит за такие дела.

— Чё ты хочешь?! — выкрикнул Ферзь.

— Сейчас ты вернешься в Москву. — Лицо незнакомца снова стало непроницаемо. — С тобой поедут пятеро. Все мутанты, антропы, то есть от людей их трудно отличить. По дороге они расскажут, что надо сделать.

Ферзь уставился в пол. Вернувшись в кварталы, он по-другому дело повернет. Что ему эти пятеро? Кончить их сразу, вор самолично мутантам кишки на нож наматает. А успеют пикнуть про его темные делишки, так отбрехаться всегда можно. Свалить все на Арлекина, который давно в земле червей кормит, нефтяникам сейчас и подавно не до него, они дань с Ферзя за два сезона вперед получили. Поэтому...

— Я согласен, — подняв голову, тихо сказал вор, придав лицу покорное выражение, чтобы

скорее разговор завершить.

Незнакомец смотрел серьезно, взгляд такой, будто видит Ферзя со всеми его мыслями.

— Твой интерес будет учтен, — повторил вдруг чернявый. — Ты помнишь мои слова?

Вор кивнул, не скрывая любопытства.

— Знаю, — продолжал незнакомец, — почему из города свалить решил: некроза боишься.

Ферзь невольно потер впалую щеку, коснулся носа и отдернул руки, поняв, что такими жестами выдает себя.

— Нетрудно догадаться. — Чернявый оставался серьезным. — Предлагаю сделку. Я избавлю Москву от плесени, ты исполняешь, что скажут, но после...

Вор напрягся.

— Кто-то должен управлять городом.

Мысли в голове Ферзя понеслись, как стая панцирных волков за добычей, опережая одна другую.

— Смысл понятен? — спросил незнакомец.

— Отдашь мне город? — Ферзь растянул губы в кривой усмешке.

— Да. Про сделку никто не узнает. А вздумаешь финтить... — Незнакомец произнес последние два слова нарочито громко и повернулся лицом к знамени Замка Омега, висящему слева от Ферзя.

Полотнище на стене колыхнулось, затрещал кумач и сложился складками на полу. Вор увидел сидящих в соседней комнате Дулю и Болта. Оба ходили под Ферзем, но у себя на районах были людьми авторитетными. Смотрящий с бригадиром со связанными руками, как курицы на насесте, сторбились на длинной лавке, по сторонам от них стояли два крепких человекоподобных мутанта с уродливыми лицами. Одного Ферзь признал — тот кляп у него вынул. В углу на табурете устроился одноногий пацан. Ссутулившись, он быстро чиркал толстым карандашом по светло-серому листу бумаги, прикнопленному к дощечке у него на коленях.

Грифель издавал неприятный, царапающий звук. Ферзь скривился — не иначе как протокольную запись строчит. Так только монахи поступают, запись потом в особую папку подшивают и сносят в архивную комнату, откуда при надобности сведения всегда поднять можно.

Вор опять взглянул на Дулю с Болтом. На их лицах было легко прочесть: погоди, выберемся — все братве расскажем. После такого обмана тебе не жить!

У него вдруг заложило уши, стало трудно дышать. Старая болячка напомнила о себе в неподходящий момент. Из глаз потекли слезы, а в желудке будто огненный шар взорвался. Ферзь согнулся пополам, обхватив себя руками, зная, что со стороны выглядит жалко, и глубоко задышал.

Он не разобрал слов, сказанных незнакомцем, но смысл их был и без того ясен: смотрящий и бригадир — страховка на случай, если вор откажется помогать. Как быстро все обернулось другой стороной. План Ферзя замочить мутантов по приезду в кварталы рухнул. Дуля и Болт слышали про дом в Харькове, дань топливным королям. Теперь за жизнь Ферзя не дадут и фальшивого рубля. Это Крапива все устроил, он предал. Сука! Вся братва за Ферзя теперь не подпишется. Утопят в нужнике, как сказал чернявый хмырь за столом. И откуда он столько знает?

Ферзь сплюнул под ноги горечь, жалея об одном — что в рукаве нет шила. А то бы засадил его в ухо незнакомцу, который развел опытного вора, как лоха на рынке. И дальше будь что будет.

Глава третья

В бронированном фургоне было не продохнуть от пороховых газов. За спиной у Архипа хрипел на лавке раненый доходяга Киля. Кочевые, устроившие засаду на старой дороге за Сетуньской поймой, умудрились дважды засадить ему из пружинного самострела в плечо. Одну стрелу Киля выдернул сам, вторую, пробившую руку насквозь, пришлось доставать светловолосому Шмидту. Его пулемет, закрепленный на станине напротив амбразуры в задней части кузова, быстро перегрелся, и Шмидт остался не у дел.

Надо было легкие сендеры брать, подумал Архип Дека, прислушиваясь к скрежету под фургоном. Людей три десятка, а то и целую бригаду, и всем гранаты раздать. По его приказу перед выездом с территории клана башмачников на машину навесили еще несколько листов брони. Прикрыли колеса и кабину, отчего и без того тяжелый самоход стал вдвое неповоротливей и никак не мог разогнаться на ухабистой дороге, чтобы уйти от преследователей. О возвращении в Москву помышлять не стоило, кругом тянулся лес, развернуться негде. К тому же позади на повороте в Сетуньскую пойму факелом горел взорванный мутантами грузовик, в который

Архип посадил десять своих лучших бойцов. Погибли все, разом, когда под днищем грузовика оглушительно грохнуло и кузов объяло пламенем.

Кочевые мутанты на ездовых ящерах легко обгоняли фургон, их силуэты мелькали за деревьями. Вырываясь вперед, всадники иногда выскакивали на дорогу и, пустив по машине стрелу из лука или духовой трубки, тут же уносились прочь. Гремели одиночные выстрелы, видимо, у некоторых мутантов были ружья.

Завизжали тормоза, Архипа и всех, кто был в кузове, швырнуло на пол, самоход накренился, встав на два колеса. Внизу что-то хрустнуло; в амбразуре мелькнула перевернутая повозка, лежащая поперек колеи. Грива, управлявший фургоном, задел ее бампером. Как он дальше вырулил, удержав машину на дороге, одному некрозу ведомо.

Архип вскочил, но тут самоход опять вильнул, и глава клана повалился на лавку, едва не выпустив маузер.

— Хозяин! — завопил Шмидт. Стоя на коленях, он размахивал руками, вертя головой. — Стреляй скорей! Лезут! Лезут, хозяин!!!

По сторонам от фургона двое кочевых

заарканили крюками поручни на крыше, соскочили с ящеров и, повиснув на веревках, стали подтягиваться.

Архип рывком поднялся с лавки, шагнул на середину отсека, целя из маузера сквозь смотровую щель в мутанта с правого борта.

В кабине клацнула дверца, жахнул выстрел — это Грива, выглянув наружу, шмальнул из обрезка в мутанта слева. Кровь вперемешку с кусками плоти брызнула сквозь узкие амбразуры внутрь фургона, заляпав Шмидту грудь и шею. Башмачник отшатнулся и толкнул плечом Архипа. Глава клана непроизвольно вдавил спусковой крючок и выпустил длинной очередью все пули мимо.

Шипя проклятия, Архип Дека приставил к приемнику маузера последнюю обойму, вдавил маслянистые латунные патроны большим пальцем в плоский короб магазина перед спусковым крючком, и они со щелчками ушли вниз. До Октагона уже недалеко, там жрецы-каратели, там Ильмар Крест, новый хозяин московского Храма, которого Архип собрался шантажировать. Имеется у него для того документ важный, поэтому встречу не в обители назначил, где чужих ушей полно, протоколом всегда переговоры сопровождают в присутствии доверенных лиц... Дека поднял маузер, оперев

деревянную кобуру-приклад в плечо, и выдернул опустевшую планку обоймы. Лязгнул затвор, дослав патрон в ствол.

Кочевник, воспользовавшись моментом, пока он перезаряжал пистолет, взобрался на крышу и притаился.

— А-а-а! — заорал вдруг Шмидт, пытаясь сорвать пулемет с крепления на станине и таращась на потолок. Сидевший напротив Киля, кусая губы, забился в угол, сжался, подогнув ноги к животу, боясь пошевелить раненой рукой.

— А-а-а! — продолжал тянуть Шмидт.

Архип зажмурился на миг. Ему сильно захотелось оказаться у себя на галерее, в башне клана, где есть комната с древней чугунной ванной. Погрузиться в подогретую воду, пропущенную через угольные фильтры, и чтобы рядом на табурете непременно стоял патефон и играла любимая пластинка.

Голова Шмидта дернулась, когда Архип звезданул ему прикладом в зубы. Блестящими безумными глазами светловолосый уставился на хозяина, беззвучно разевая рот. Потом схватился за лицо, размазывая по щекам кровь с разбитых губ, попятился к стене и вздрогнул. Что-то тупо стукнуло ему в спину, башмачник замер на миг.

Медленно повернулся — под левой лопаткой торчал дротик — и рухнул всем телом на Килю.

Глава клана сжал зубы, задрал ствол к потолку, трижды выстрелил. В дырки от пуль упали лучики света, пронзив дымный сумрак фургона белыми полосами. Один луч мигнул, видимо, тварь наверху сместилась, заслонив на мгновение отверстие. Архип крепче сжал пистолетную рукоять и дал очередь, дырявя крышу фургона кривым пунктиром.

Вверху раздался гортанный возглас. Подстреленный мутант шлепнулся на крышу, тонкий лист жести в передней части фургона прогнулся под ним, а глава клана продолжал палить в потолок, пока не расстрелял весь магазин.

Опустив маузер, Архип, хватаясь за стену, прошел к окошку, через которое можно было переговариваться с водителем, сдвинул заслонку и заглянул в кабину.

Грива сжимал руль так, что побелели костяшки пальцев. Сквозь щель в бронированных листах, приваренных к кабине вместо лобового стекла, виднелась накатанная колея, по краям которой тянулись редкие деревья. Впереди показались ржавые остовы древних автомобилей. Искореженные автобусы, грузовики,

бесформенные смятые куски железа, снятые с рам кабины и горы покрышек — целое кладбище машин. За ним высился холм с редким подлеском на склоне. Отсюда до Октагона уже рукой подать.

— Дотянем?! — крикнул Архип, пряча маузер в кобуру.

Ему не нравился скрежет под днищем фургона. С того момента, как они разминулись с повозкой кочевых, звук стал громче. Видно, при ударе повредило ходовую. Самоход бросало из стороны в сторону, Гриве приходилось постоянно подруливать, резко выкручивая баранку то влево, то вправо.

— Не мешай! — огрызнулся башмачник.

Его курчавые сальные волосы растрепались по щекам, крупные капли пота стекали по шее за ворот расстегнутой рубахи. Ляпни он такое главе клана при других обстоятельствах, Архип сразу бы его пристрелил, но сейчас... сейчас все было по-другому.

Присев, он сунул руку в окошко, схватил обрез Гривы, лежавший на широком сиденье. Зажав его под мышкой, нашарил на стенке кабины патронташ, висевший на крючке над головой у водилы, и, выпрямившись, принялся заряжать

оружие.

Два патрона Архип загнал в стволы, два стиснул зубами, отчего рот искажился уродливым оскалом. Забросил свернутый петлей патронташ на плечо и шагнул к станине с пулеметом.

Как раз вовремя. Через амбразуру глава клана разглядел двух всадников на ездовых ящерах, мчавшихся за автомобилем. Наяривая пятками в поджарые бока манисов, мутанты, на которых из одежды были лишь меховые безрукавки и кожаные шорты, крутили над головами веревки с крюками на концах. Они подобрались почти вплотную. В нижней части кузова есть подножка, и если оба заскочат на нее, то, просунув руку в щель, смогут отомкнуть засов на двери либо, зацепив крюки за амбразуру, сорвать дверь с петель. Ящер-манис — сильный мутафаг, весу в нем меньше, чем в автомобиле, но тут их два, как упрутся крепкими ногами в землю...

Архип опустил на одно колено рядом со станией пулемета, положив обрез на локоть, тщательно прицелился и спустил курки. Заряд дробы снес правому ящеру половину черепа, разорвав в клочья меховую безрукавку на животе наездника, выбросил того из седла. Всадник слева с воинственным кличем метнул крюк на веревке в автомобиль.

Загнутая железка полетела вверх, ударилась о крышу фургона, лязгнула, зацепившись за поручень, и мутант, схватив веревку двумя руками, с воплем выпрыгнул из седла. Он громыхнул всем телом в дверь и заслонил амбразуру.

Архип переломил обрез, схватил один патрон, зажатый в зубах, но не попал им в ствол. Самоход резко повело в сторону, патрон упал на пол и откатился в угол. В амбразуру просунулась когтистая грязная лапища, зашарила по двери в поисках задвижки. Следя за рукой мутанта, Архип трясущимися пальцами пытался зарядить обрез, но все время промахивался мимо казенника.

Мгновения слились в вечность. Сердце в груди тяжело бухало, он слышал каждый вдох, казалось, что пот течет рекой с головы за шиворот и уже насквозь пропитал кожаную куртку, брюки, хлюпает в сапогах.

Мутант нащупал задвижку, потянул ее в сторону. Глава клана, так и не зарядив оружие, закричал, подался вперед и замолотил разряженным обрезом, как дубинкой, по жилистому, увитому набухшими венами предплечью твари.

И тут над ухом громыхнул пулемет.

Архип отпрянул к стене, заслоняясь рукой. Раскаленный ствол еще трижды плюнул огнем, чихая, как прохудившийся клапан в паровом котле, и смолк. Шатаясь, Шмидт, на бледном лице которого не было ни кровинки, отпустил пулемет и повалился на пол.

Архип устремил взгляд на дверь. Мутанта на подножке не было, створку вокруг задвижки и амбразуры забрызгало кровью. Значит, Шмидт завалил тварюку. Глава клана, опасливо косясь на щели в стенах, подобрался к двери и сдвинул засов на место. Справившись с дрожью в пальцах, зарядил обрез, выглянул из амбразуры.

Позади самохода тянулась колея, лес исчез, вместо него всюду виднелись остовы автомобилей, покрышки и всякий железный хлам. По сторонам больше не раздавались громкие крики и гортанные возгласы мутантов.

Прислонившись спиной к лавке, Архип вытянул ноги и прикрыл глаза — все-таки прорвались, выехали на кладбище машин. Сейчас он успокоится и глянет, как там Шмидт. Потом поможет Киле, после справится у Гривы, что с машиной. Надо только отдышаться. Нельзя, чтобы Ильмар Крест увидел его таким разбитым и... напуганным. Не мешало бы умыться перед встречей — Архип Дека все-таки глава одного из крупных кланов. Его бригады держат под собой

большую территорию возле Лужников, над которой высится стоэтажная башня, оставшаяся со времен Погибели. С той башни город просматривается как на ладони.

*

Когда фургон въехал во двор Октагона и остановился возле одинокого фонарного столба, оклемавшийся Киля заканчивал перевязывать Шмидта. Архип сидел на лавке и вытирал лицо смоченным из фляги полотенцем.

Снаружи донеслись голоса, хлопнула дверца — это Грива выбрался из кабины. Взглянув на так и не пришедшего в себя Шмидта, Архип поднялся, осмотрел себя, одернул куртку под ремнем. Поставив ногу на лавку, протер рукавом запылившийся сапог, поправил кобуру с маузером у бедра и распахнул дверь.

Солнечный свет резанул по глазам. Архип встал в проеме, зажмурившись, чувствуя, как подрагивают пальцы. Легкий ветерок приятно охлаждал щеки, напряжение постепенно отпускало. Он посмотрел на безоблачное небо, оглянулся, невольно сравнив окутанный дымным сумраком фургон со склепом, и, ступив на подножку, спрыгнул на землю.

Возле машины терпеливо ожидали трое

монахов. Двое в черных полурысах, надетых под доспехи из пластин панцирных волков, надежно защищавших грудь и спину, один в желтой тоге жреца-карателя. Протягивая блестящую кольчугу Архипу, он шагнул к нему со словами:

— Наденьте. — Спыхватился и уточнил: — Достопочтенный Архип Дека?

Архип кивнул, разглядывая жреца. Лицо у того было почти треугольное: острые скулы, прямой нос, брови-скобочки, тонкие губы, обрамленные аккуратной бородкой, и узкий лоб. Светлые, как у Шмидта, волосы зачесаны назад.

— Среди кочевых, — пояснил жрец, — есть опытные охотники, они метко стреляют. Холмов вокруг заставы много, мы не можем их часто прочесывать, не хватает людей.

Глава клана молча взял кольчугу, натянул через голову. Подвигав плечами, поднял и опустил руки. Раньше он никогда не носил доспехов, повода не было. После слов жреца Архип призадумался, припомнив, как ранили Шмидта, а Киле продырявили руку в двух местах. И как мутанты Гриву не подстрелили? Выходит, не зря на самоход броню приказал повесить.

— Я мастер Федор, здешний распорядитель, — представился жрец. — Нужна ли вашим людям

какая помощь?

— Да, — Архип махнул назад, — в кузове двое раненых.

За спиной раздался шорох, он обернулся. Из-под фургона вылез Грива, вид у него был возбужденный, глаза красные, волосы всклокочены. Вся одежда в пыли и пятнах машинного масла. Водила тяжело опустился на подножку под дверь и сказал:

— Хозяин, заднюю ось менять надо, муфта карданная — в хлам. В Москву так запросто не возвратимся. Тут ремонта на декаду...

Он вытер пот со лба и шумно вздохнул.

Направив жестом монахов в фургон, мастер Федор произнес:

— На заставе есть механики, самоход починят, токмо время надобно. Прошу... — Он плавно повел ладонью. — Преподобный Ильмар вас ожидает, следуйте за мной. — И зашагал прочь от фургона.

«Преподобный, — повторил про себя Архип. — Как быстро все меняется. Еще недавно при одном упоминании атамана Креста торговцы, шедшие караванами в Москву, приходили в ужас. И вот

нате: Преподобный».

Глава клана башмачников шагал за жрецом, особо не глядя по сторонам, и размышлял, как лучше повести себя при разговоре с Ильмаром, ведь тот очень необычный человек, раз смог так быстро власть в Храме взять. Когда-то он занимал там высокий пост, потом что-то не поделил с Гестом и пропал. Долгое время о нем никто не слышал, а когда четыре сезона назад на въезде в город грабнули первый фермерский караван с юга, все узнали, что в Московии появился новый клан. Да не просто клан, а целое войско. Атаман Ильмар Крест совершил пару лихих налетов на заставы Ордена, после чего Гест попытался покончить с бандой. Когда же выяснилось, что Ильмар постоянно перемещается по округе, лагерем долго не стоит в одном месте, московский Владыка связался с Архипом, предложил союз заключить выгодный и сообща разбить наглого атамана. Но прежде отряд башмачников должен сопроводить самого Геста куда-то в Пустошь. В качестве платы тот обещал Архипу три новеньких бронированных «тевтонца», правда без пулеметов, но все равно. Такие сендеры делают только в мастерских Ордена! Машина надежная, с мощным двигателем и ходовой, которой сноса не бывает...

Архип покосился на навесы справа, где как раз стояли два таких, накрытые брезентом. Только

сейчас он понял, что они пересекли широкий двор и направляются к добротному двухэтажному строению из камня. Архип осмотрелся, ведь он никогда прежде не бывал в Октагоне, самой крупной и укрепленной на порядок лучше других заставе Ордена. Ее двор представлял собой по форме правильный восьмиугольник. В дальней его части под стеной был курятник и загон для птицы, по соседству — пристройка для скота, рядом стойло с лошадьми. На высоте в три человеческих роста вдоль стен тянулись бетонные перекрытия, лежащие на толстых опорах. Приглядевшись, Архип смекнул, что конструкцией они отдаленно напоминают галереи в башне его клана. Видимо, на месте Октагона когда-то стояло высокое, крепкое здание, которое во времена Погибели не было до конца разрушено. Монахи сильно перестроили его, возвели на верхних этажах бастионы, обложив их кирпичом.

Архип оглянулся. Из фургона на носилках вынесли Шмидта. Киля, поддерживаемый под руку Гривой, выбрался сам. С фонарного столба, возле которого стоял самоход, свисал трос, на его конце над землей медленно вращалось изуродованное тело, распятое на крестовине. «Верно, мутант», — решил Архип. И как он его сразу-то не заметил, выходит, совсем с головой в мысли ушел.

— Прошу сюда, — прозвучало рядом.

Федор стоял на ступеньках, указывая на вход в двухэтажную кирпичную пристройку у стены.

— Почему так тихо? Где все? — Архип еще раз окинул взглядом двор, постройки, перекрытия вдоль стен.

— Монахи несут службу, согласно осадному расписанию. На заставе сам Преподобный Ильмар, передвижения без особого на то приказа запрещены, — отчеканил жрец.

Потом ткнул пальцем в небо и добавил:

— Вы забыли про метких стрелков-кочевников на холмах.

— Seriously тут у вас... — пробормотал Архип и уставился на запыхавшиеся носки своих сапог. У Ильмара, должно быть, в Храме много приспешников осталось. По слухам, когда он повздорил с Гестом, не все монахи поддержали последнего, иначе хотели строить отношения с кланами, потому Крест оказался в опале, ведь он козни против тогда еще живого Владыки замышлял. Значит, не зря Дека полез в политику, в эту бодягу. Он затеял тонкую игру и обязательно выгадает на том. Сейчас главное — дело повернуть так, чтоб мутафаг носа не

подточил. Ведь никто прежде не пытался шантажировать главу московского Храма, один Архип такой умный и... наглый. Только у него бумага имеется, против которой Ильмару возразить будет нечего.

Он поднял взгляд на Федора:

— А мои люди?

Архипу было не по себе оттого, что он остался без охраны, стал заложником обстоятельств и теперь никак не мог решить для себя, с чего начать разговор с Преподобным.

— За них не волнуйтесь, им окажут помощь в лазарете, самоход отгонят в гараж. Прошу, — уже настойчивее повторил жрец.

Архип нахмурился, но смолчал. Поднялся по ступенькам и шагнул в дверной проем.

За ним оказалась крутая узкая лестница вверх, в конце которой виднелась тяжелая стальная дверь. На площадке, по сторонам от нее, стояли два высоких монаха со штуцерами за плечами. Когда Архип поставил ногу на последнюю ступень, один заступил дорогу, поднял руку, уперев широкую ладонь главе башмачников в грудь.

— Обыскать треба, — произнес монах густым басом.

Архип заскрежетал зубами, бросил взгляд через плечо. Федор кивнул.

— Руки! — скомандовал монах и подбил Архипу локти, чтобы тот развел их в стороны. Бесцеремонно начал ощупывать его под мышками, хлопать по бокам, присев, проверил штанины. Затем расстегнул деревянную кобуру на бедре у Архипа, достал из нее маузер, сунув себе за пояс, выпрямился.

Дека с трудом поборол желание дать монаху коленом в живот. Какая наглость: обыскивать его, главу клана башмачников! Да что они тут себе позволяют? Он же гость!

Словно угадав его мысли, мастер Федор сказал:

— Правила едины для всех. Я отвечаю за безопасность Владыки в Октагоне, прошу простить брата Ягоду, если сия процедура, достопочтенный Архип, вам показалась унижительной.

Архип скупно кивнул, опустил руки и хотел шагнуть к двери, но Ягода снова положил ладонь ему на грудь.

— Тута есть что-то под кольчугой.

— Что? — Мастер Федор поднялся на площадку, уставившись стальным взглядом на Архипа.

— Не вашего ума дело! — взбеленился тот. Толкнул монаха, сжав кулаки, резко повернулся к распорядителю: — Бумаги у меня там, в подкладку зашиты. — Архип слышал, как дышат охранники ему в затылок.

— Хорошо, — спокойно проговорил Федор. — Пропустить. — Он дернул подбородком, и монахи посторонились.

За дверью оказалась небольшая комната. Все убранство — лежанка с меховым покрывалом у дальней стены, лавка под окном справа, слева — стол, за которым сидел коренастый с седым ежиком волос человек. Пол был устлан ворсистым ковром с выцветшим рисунком.

Архип прошел на середину комнаты, за спиной скрипнули петли: Федор остался за дверью. Что ж, тем лучше, глава клана башмачников рассчитывал на разговор без свидетелей.

Ильмар смотрел перед собой невидящим взглядом, поставив локти на стол, подпирая

кулаками подбородок. Архип с интересом изучал его грубо слепленное лицо: кожа толстая, обветренная, на щеках поджившие ссадины, глаза глубоко посажены, словно в бойницы, лоб высокий; нос новоиспеченному Владыке московского Храма явно не раз ломали в драке, хрящ на переносице сплюснут, повернут слегка вбок, отчего одна ноздря выглядит шире другой.

— Садись, — неожиданно произнес Преподобный, и Архип вздрогнул.

Ильмар откинулся на спинку стула, взяв со стола серый лист бумаги. Взгляд у него при этом оставался отрешенным, будто смотрит сквозь пол куда-то во двор.

Архип шагнул к лавке, пригнувшись, покосился в окно — фургона на прежнем месте не было. Значит, в гараж отогнали. Быстро. Он сел, передвинулся на край, поерзал и снова подался на прежнее место.

Не то чтобы лавка была жестковата — ему стало неуютно в этой маленькой комнате, где не так много света. Архип почувствовал себя, как в задымленном кузове самохода. Низкий потолок давил, глухие кирпичные стены угнетали своим видом. То ли дело в башне: там всегда простор, Москва как на ладони и ветер гуляет по галереям. Хотя среди башмачников были и такие, кто выше

пятого этажа никогда не поднимался.

— Обойдемся без почестей, словечек типа «достопочтенный» и «преподобный», — начал Ильмар, перехватил лист двумя пальцами, развернув обратной стороной. — Без протокольных сложностей, писарей и переговорщиков.

Архип кивнул. Новая метла по-новому метет... тем лучше. Он снова поерзал на лавке, присматриваясь к серому прямоугольнику, который был испещрен мелкими закорючками.

— Это договор, — Ильмар тряхнул листком, — подписанный Гестом, скрепленный печатью Ордена. Скажи мне, Архип Дека, имеется ли у тебя второй экземпляр?

«Эк-зем-пляр», — повторил про себя глава клана башмачников сложное слово и положил ладонь на грудь, где в куртке за подкладку были вшиты бумаги.

— Привез, значит. — Ильмар правильно истолковал его жест. — Стало быть, Храм в союзе с башмачниками.

Архип растерянно кивнул. Преподобный бросил лист на стол, придавив ладонью, после недолгого раздумья сказал:

— Это хорошо. Очень хорошо.

Глаза у Ильмара заблестели, лицо ожило, от маски отрешенности не осталось и следа. Крест подался вперед, расправив крепкие плечи, с хрустом сжал кулак.

— Вот они где все будут! Слышишь, Архип? Мы всех возьмем за горло и будем держать, пока их поганые языки не вывалятся из глоток и не посинеют!

— Э-э... — Архип открыл рот.

— Да, башмачники получают плату за свои услуги. Сполна, — быстро проговорил Ильмар. — Союз в силе. — Он схватил карандаш, размашисто подписался на листке и продолжил: — «Тевтонцы», подряд на обувку — все как в договоре, в обмен на помощь в войне. — Ильмар встал, вышел из-за стола и протянул листок Архипу. — Вот.

— Э-э... — выдавил тот, глядя на него снизу вверх. — Собственно... э-э...

Мысли в голове Архипа спутались, он не знал, что сказать, с чего начать. Машинально взял бумагу, пробежал строчки договора и удивился еще больше. Часть текста была вытравлена и переписана. С листа исчезло упоминание о

поимке Ильмара, что тот изменник и подлежит истреблению.

Архип рассчитывал шантажировать бывшего атамана, при этом хотел уладить все по-тихому: получить плату в обмен на бумаги. Правда, плату, по его разумению, увеличенную втрое. Ведь из похода с Гестом никто не вернулся, клан потерял людей, лошадей, бензовоз, за который Архип отвалил топливным королям немалые деньги...

Все пошло не так, как он планировал. Ильмар опередил его, добрался, стало быть, в архивную комнату при Храме, где хранятся протокольные записи, лишая Архипа тем самым всякого преимущества в торге. Похоже, клонит на свою сторону встать?

Глава клана снова открыл рот, но, ничего не сказав, подумал: с чего вдруг бывший атаман так добр? Что замышляет? Плату сулит, не вспоминая про то, что Архип с Гестом банду его и самого Ильмара хотели истребить, как мутантское племя, случайно забредшее в Московию с окраин Крыма.

Бывший атаман сел рядом, положил руки на колени. На правом мизинце Преподобного сверкнул перстень с необычной печаткой, где был изображен человек в шестерне.

— Все без обману. Два «тевтонца» получишь сразу, — произнес Ильмар, глядя перед собой. Стукнул легонько кулаком по колену. Помолчал. — Мне доложили, что по дороге в Октагон на вас напали мутанты.

Архип кивнул, опять уставился на листок.

— Тогда вернемся в Москву вместе, — сказал Ильмар. — И немедля.

Глава клана резко повернулся к нему. Роста они с Ильмаром были примерно равного, один увидел свое отражение в зрачках другого.

На что рассчитывает Преподобный? Вывезти башмачников в лес и пристрелить, как бешеных шакалов? После забрать бумаги, а гибель главы клана легко можно списать на мутантскую засаду...

Архипу опять захотелось в свою башню, на галерею, забраться в ванну, чтоб патефон играл любимую пластинку, но при этом на табурете был графин с картофельной водкой. Глава клана пил редко, но сейчас накидался бы до беспамьятства — рюмка за рюмкой, лишь бы забыться.

— А бумаги... — снова заговорил Ильмар. — Свой экземпляр договора отдашь, когда в башню

приедем. — Он похлопал главу клана по плечу, поднялся и прошел за стол.

Архип шумно выдохнул, все это время он сидел затаив дыхание. Рубаха на спине взмокла, листок в его скрюченных пальцах подрагивал.

— Так устроит? — спросил Ильмар, усаживаясь на стуле.

— Что?.. А, — спохватился Архип. — Да. Честная сделка.

Сейчас он готов был отдать бумаги без всякой платы, лишь бы вернуться в клан живым и невредимым. А что до соглашения с Орденом, так башмачникам без разницы, кто рулит в Храме, у них без монахов своих проблем хватает. Вон, далеко ходить не надо, нищие кварталы под боком. Недавно от Ферзя появился молодчик... — Архип попытался вспомнить его имя. — Кажется, Брюква, так звали бандюгана? Нет, Крапивой кликали, у него лицо еще было все красное, кожа жесткая, как наждак, такое случается, если на нее радо-порошок просыпать. Видно, бандюган его нюхнул по пьяни вместо дурман-травы и перестарался, оттого рожа стала пунцовой. Так он тогда заявил Деке, что братва теперь претендует на эстакаду и западный въезд в Лужники, то есть отстегивать должны башмачники ежесезонно за то, с чего сами

имеют, пропуская караваны торговцев на рынок. Наглецы! Архип и сам давно хотел нищие кварталы к рукам прибрать, мимо них старая дорога пролегает, если подмять под себя те территории, много выгоды клан получит, ведь всем известно в Москве, что в кварталы с Крыма наркоту поставляют. Это ж какой куш у Ферзя отобрать можно? Самого вора давно пора удавить и в нужнике утопить, удалось бы только добраться до него. Если Ильмар не обманывает, а у Храма зуб на Ферзя и нищие кварталы, то воровскую общину можно разогнать, часть людей под свое крыло взять... У Архипа приятно защекотало в груди, губы искривились в улыбке.

Сдвинув брови к переносице, Ильмар сурово смотрел на него.

— Будем воевать вместе, — поспешил заверить Архип. — Башмачники всегда были на стороне Ордена.

Ильмар кивнул, морщины у него на лбу разгладились. Он покрутил кольцо с печаткой на мизинце, сказал:

— Да. В Москве должен быть один хозяин, иначе против мутантов не выстоять.

— Э-э... — Глава клана разинул рот, удивленно хлопая глазами. Он-то считал, что Ильмар

говорит о войне с нищими кварталами. — Ты к чему клонишь? Один хозяин...

— Очнись, Архип! — Бывший атаман хлопнул по столу.

Скрипнула дверь, в комнату заглянул мастер Федор, над его плечом показалась голова Ягоды.

— Исчезли оба! — рявкнул Ильмар.

Дверь тут же закрылась.

— Мутанты, — уже спокойно произнес Ильмар. — Обложили Москву с юга. Пройдет декада, твари доберутся до угодий люберецких кормильцев, отрежут дороги к нефтяному заводу в Капотне, что делать будем?

Архип молчал.

— Я начал переговоры с топливными королями, — продолжил Ильмар. — Решили Совет собрать.

— Совет? — выдохнул глава клана.

— Со времен Зачинщика Прилепы, основателя Ордена Чистоты, в городе не было единого управителя.

Ильмар кивнул:

— Совет. Мэра выбирать будем.

Глава четвертая

Крум не любил сидеть возле костра, ему хватало солнца днем. В Московии было так же жарко, как на горе Крым, поэтому следопыт отсел подальше от огня, вынул из-за пояса нож, обмотанный полоской сыромятной кожи, и принялся снимать оплетку.

— Чиво-о ты? — Стоян плюнул с досадой. — В самоходку динамит... не дал кинуть, Демир, чиво-о?

Старший из братьев Верзил всегда коверкал слова, тянул их, преувеличенно гримасничая, будто только что сырую кальмарку съел и теперь у него живот пучит. Косясь на Стояна, Крум снял с ножа оплетку и воткнул его в землю так, что снаружи осталась лишь плоская рукоять.

Демир, высокий тощий старик, молчал. Держа в руках банку с маслом катрана, он шурился, глядя на костер, напротив которого плечом к плечу сидели трое: Стоян, Жив и Тодор. На братьях были меховые безрукавки со штанами и плетеные из лозы сандалии. Стоян зажимал между колен длинное ружье, прислонив цевье к плечу, тарашился на старика, ожидая ответа. Бритый наголо Жив чистил пороховой самострел, а Тодор собирал в пучок свои длинные, темные как смоль волосы и ровнял их тесаком, срезая

концы, чтобы в глаза не лезли.

Почесав жесткую короткую бородку, Крум взял полоску кожи и вздохнул. Злится старший Верзила, шипит, как манис перед случкой, подначивая старика за вчерашнее.

Утром отряд следопытов вместе с воинами из племени Чембы преследовал самоходку в Сетуньской пойме. Жив, Тодор и сам Крум, заслышав Демирову дудку в разгар погони, вышли из боя, осадили ящеров, лишь Стоян мчался вперед среди деревьев, вопя в запале во все горло, пока в ляжку его маниса не угодила шальная пуля и тот не скопытился, сбросив седока.

Сберегли духи пустыни Стояна от случайной смерти, не зря Крум им каждый вечер добрые слова шепчет. Он посмотрел на юг, где высилась гора Крым, пошевелил губами, беззвучно повторяя длинные имена тех, кому поклонялся всю жизнь, и вспомнил судьбу Мурдана, четвертого брата Верзилу, погибшего три сезона назад. [2] Снова вздохнув, обернул полоской кожи рукоять, торчащую из земли, и завязал первый узелок.

В глубокой расселине за спиной застучали камни, недалеко от костра взволнованно

зашипели проснувшиеся манисы. Быстро поднявшись, Крум подхватил утыканную шипами дубинку, шагнул к краю, вглядываясь в черную бездну. Следопыт знал: такие звуки могут принести опасность. На Крыме он без труда распознал бы, почему по склону просыпались камни, но здесь, у Разлома, все было по-другому. Тут не живут крабы и катраны, нет медуз, а кохар — висящий на шее мешочек со снадобьем, отпугивающим мутафагов, — не действует на местных хищников. К костру мог подбираться неизвестный Круму зверь, а может, и того хуже, лазутчик московских кланов, вынюхивающий подходы к лагерям кочевых племен. В Московии полно незнакомых запахов, заслышав которые, даже опытный следопыт быстро терялся, не в силах распознать, к кому те относятся: животному или человеку. Поэтому кочевые держались каменистых равнин и расселин, стараясь встать лагерем подальше от непривычных глазу рощей.

Снизу долетели слабые всплески, и все стихло. Крум постоял, шаря взглядом по окрестностям. Вдалеке, где через Разлом от склона к склону протянулся длинный мост, светился огнями захваченный поселок. Оттуда иногда доносились громкие возгласы и редкие выстрелы: воины из племени Чембы праздновали недавнюю победу, ведь они завладели еще одной дорогой на

Москву. Кажется, ее называют Можайским трактом. Недовольно покачав головой, следопыт вернулся к костру. Беспечно мутанты себя ведут, ночью напоказ выставляются, силой хвастают, он бы никогда так не поступил.

Опустившись на землю, кивнул Демиру, мол, все спокойно, поджал ноги и принялся за незаконченное дело — обматывать полосками сыромятной кожи рукоять ножа, хитро сплетая узелки в один ряд, чтобы потная ладонь во время схватки с врагом нечаянно не соскользнула. Нож из плавника катрана — опасное оружие. Если не уметь с ним управляться, то можно поранить в первую очередь себя, настолько острые у него грани. Само же лезвие шершавое, как наждак, стоит провести по матово-черной поверхности — и хорошо, если останешься без кожи на пальцах, бывало, что неумехи сдирали мясо до кости, становясь на всю жизнь калеками.

— Чиво-о молчишь? — не выдержал Стоян. Верзила подался вперед, выпятив нижнюю челюсть. Плохо дело, совсем завелся.

— Думаю, — спокойно сказал Демир и склонил голову набок. Качнув высоким гребнем седых волос, просунул худую морщинистую кисть в банку, зачерпнул катраньего масла и растер по ладоням, после чего принялся смазывать гребень, роняя на лицо жирные капли. Волосы

станут еще жестче и засверкают на солнце. Враги будут бояться одного его вида, считая, что из головы старого мутанта торчат стальные шипы, которыми он проткнет их в схватке.

— Думает... старый дурень, — старший из братьев-мутантов заухал, довольный тем, что Демир не смог ответить на вопрос, и повторил: — Думает...

Стоян, сняв с ремня динамитную шашку, пихнул локтем Жива и показал ему взрывчатку.

— Чиво думать? Поджигай, бросай, — он повернулся к Тодору. — Вот так.

Щелкнул пальцами и достал из кармана меховых штанов зажигалку, чтобы запалить фитиль.

Тодор опустил тесак, уставился на брата, морща бугристый лоб. Он был младшим среди Верзил и вообще разговаривать не умел.

— Заткнись, Стоян, — ответил ему старик. На его блестящих от масла волосах играли сполохи костра. — А вы, молодые, чего уши развесили? Самоходка та была броней обвешана, взрывом не возьмешь. Видали, сколько воинов Чембы там полегло?

Младшие братья закивали. Крум хмыкнул, дернув плечами, не прекращая возиться с рукоятью ножа.

— Глупые потому что, — продолжал Демир, — лезли на рожон. Мозгов совсем нет, как у Стояна.

Старший Верзила побагровел.

— Самоходку было не взять, — заключил старик.

Он закрыл банку, завинтив крышку, передвинул со спины на живот походную суму, пошитую из мочевого пузыря маниса, и стал бережно складывать в нее свои вещи: точильный камень, моток веревки, оптическую трубу с треснувшей впереди линзой, пружинный самострел. Хорошо наточенный кинжал Демир сунул в ножны на поясе и добавил:

— Дурни мы, что за Ханом пошли. Не надо было с Крыма уходить.

— Чиво-о?! — проревел Стоян, поднимаясь. — Хан — вождь нашего племени. Чемба — великий вождь всех племен!

Верзила перешагнул костер, протягивая ручищи к старику. Вот теперь пора было вмешаться. Крум сделал кувырок, оказавшись в

круге света, встал между Стояном и Демиром, выставив перед собой нож. И все это одним плавным движением.

— Понеслась, — бросил Жив.

Крум, как и Демир, предпочитал штанам короткую меховую юбку, а плетеным из лозы сандалиям, которые носили большинство кочевников, — кожаные мокасины на мягких подошвах, те долго не снашиваются и на камнях не скользят, в них по горе Крым удобней лазать.

Острие ножа едва не коснулось выпяченного подбородка Стояна. Зарывав, Верзила выбил нож, занес кулак над головой Крума, который был вдвое ниже ростом. И тому ничего не оставалось, как двинуть коленом противнику между ног.

— О-о-о! — вырвалось из глотки здоровяка.

Его лицо исказилось, глаза выкатились из орбит, взревев, он схватил Крума за шею. Тот врезал ему ладонями по ушам, и Стоян, разжав пальцы, с громким воем повалился спиной в костер.

Пыхнуло, затрещали ветки, во все стороны полетели искры, запахло паленым мехом. Стоян перекатился на живот. Безрукавка на спине

занялась синим пламенем. Демир обошел присевшего Крума и плеснул из фляги Верзиле на спину.

Жив, подпрыгивая от возбуждения, что-то лопотал, не умеющий говорить Тодор от переизбытка чувств несколько раз стукнул себя кулаками по высокому бугристому лбу. Оба предвкушали зрелище и не спешили вмешиваться, надеясь, что Стоян быстро поднимется и накостыляет наглому низкорослому Круму по полной. А уж потом братья вместе с Демиром полезут их разнимать, чтобы один другого не прибил ненароком, если дело пойдет слишком далеко.

Стоян сел, потряхнул головой, разинув рот. Отыскал взглядом Крума, пожевав губами, сплюнул в костер и не спеша встал на ноги. Крылья его носа раздувались, как жабры катрана, глаза безумно сверкали. Он пригнулся, сжав кулаки, хищно ощерился и уже хотел двинуться на следопыта, когда из темноты донеслось.

— Да вот же они. Эй!

Все повернулись на звонкий голос. Тодор с Живом растерянно переглянулись, Демир и Крум разом нахмурились, а Стоян выпрямился и протяжно выдал из себя:

— Притащила нелегкая... Кальмарку им в зад.

Он метнул колючий взгляд на Крума, мол, продолжим, когда люди уйдут. Низкорослый следопыт кивнул и отвернулся.

К костру шагали трое, у одного на поясе загорелась карбидная лампа. Ее яркий слепящий свет озарил пространство на много шагов вперед. Крум заслонился рукой, пытаясь разглядеть, кто к ним пожаловал. Одного он узнал по голосу: это был одноногий пацан, который приходил к следопытам три дня назад в сопровождении охранников из отряда Чембы и долго разговаривал ни о чем, расспрашивая про Крым и что мутанты знают о Московии.

Судя по силуэту, первым шел Чемба, в свете лампы виднелся торчащий над его плечом трезубец из арматуры. На голове вождя слабо мерцал намазанный маслом катрана шлем, искусно выточенный из черепа пятнистого маниса.

Крум потянул носом и понял, что за вождем следуют два человека. Запах брезентовых курток и давно не чищенной кирзы, из которой люди так любят шить сапоги, разносился на всю округу. А еще оба давно не мылись. Странные все-таки люди существа, ведь ясно же, что в Пустоши любой мутафаг их на большом расстоянии почует

и спрячется, а может, наоборот, начнет охотиться за ними.

Одноногий, у которого ниже левого колена была приделана необычная блестящая железяка, заменявшая ему стопу, шумно пыхтя, тащил в руках большой холщовый мешок. Рядом с ним шел чернявый широкоплечий незнакомец, похожий на старателя. Крум ощутил на себе его цепкий, как у шамана, оценивающий взгляд и насторожился. Внутренне весь напрягся, не понимая пока, что не так. Демир придвинулся к нему и шепнул:

— Впервые вижу, чтобы Чемба с двумя людьми и без охранников по лагерю ходил.

— Ну конечно, вот что не так!

— Чембу не слушай, — шептал Демир, — следи за чернявым.

Обескураженный Крум повернулся к старику, спросив одними губами: почему? Но тот не успел ответить — троица подошла к костру и остановилась. Незнакомец погасил лампу.

Братья Верзилы сгрудились в двух шагах от Крума с Демиром. Стоял подобрал ружье, поставил его прикладом на землю, взявшись за ствол. Жив и Тодор стояли за спиной старшего

брата, склонив головы.

— Эти? — Чернявый повернулся к Ежи.

Пацан, лицо которого блестело от пота, бросил мешок на землю, утершись рукавом, выдохнул:

— Они, Владыка.

При этих словах Демир едва заметно вздрогнул. Что его так напугало? Крум скосил взгляд на старика, лихорадочно соображая, в чем тут дело.

— Ты уверен в них?

В голосе незнакомца, которого назвали странным именем Владыка, промелькнуло сомнение.

— Чемба, может, стоит других антропов подыскать?

Вождь окинул взглядом пятерку следопытов, сдвинул трезубцем шлем на затылок и наморщил лоб, как это часто делают братья Верзилы, когда у них начинается мыслительный процесс.

— Они лучшие, Владыка, — снова заговорил Ежи. — Я беседовал с сотней мутантов, но среди

всей армии, — он слегка поклонился в сторону Чембы, приложив руку к груди, — армии великого вождя Чембы... не найдется таких умных, способных по-людски разговаривать и ясно выражать мысль кочевников.

Владыка прикрыл глаза, потер ладонями лицо. Круму на миг показалось, что чернявый выглядит сильно утомленным, как будто не спал несколько ночей подряд. А может, это всего лишь отсветы от костра так ложатся. Впрочем, когда тот сложил руки на груди, взгляд его темных глаз стал еще пристальней и жестче, как у шамана, зовущего злых демонов.

— К тому же они следопыты, — добавил Ежи.

Чемба стукнул себя кулаком в грудь и рыкнул:

— Лучшие!

— Кто у вас главный? — спросил Владыка, рассматривая пятерку мутантов и задержав взгляд на Стояне.

Крум скрежетнул зубами. Духи пустыни! Только бы Верзила не ляпнул, что он старший. После гибели Мурдана в отряде следопытов вспыхивали частые перепалки, кончавшиеся драками. Крум всегда держал кулаки за старика, Тодору с Живом было до кохара, кто ими

верховодит, а вот Стояну — нет. Он желал стать лидером.

Верзила переступил с ноги на ногу, медленно повел рукой в сторону, указав на Демира, и нехотя выдавил:

— Он.

— Да, — тут же выплюнул Жив.

Тодор закивал, а Крум облегченно вздохнул и, положив ладонь на плечо старика, сказал:

— Демир.

На миг глаза Владыки округлились, потом брови сдвинулись к переносице, вокруг носа залегли глубокие складки.

— А что? — Ежи растерянно повернулся к нему.

И тут заговорил Демир:

— Владыка Баграт озадачен моей внешностью. Но ведь у людей говорят: встречай по одежде, провожай...

— По уму, — закончил Баграт. — Так. — Он помолчал. — Откуда меня знаешь? Бывал в Киеве?

Демир покачал головой:

— Не доводилось, но наслышан. Связал события в один узел и сделал выводы.

— И какие? — лицо Владыки разгладилось, он с любопытством смотрел на старика.

Демир взглянул на Чембу, который озадаченно морщил лоб.

— Ты привел нас в Московию с другой целью, — твердо проговорил старый мутант. — Но без войны с кланами ее не достигнуть.

Баграт хохотнул и вдруг помрачнел:

— Черт-те что... ты мудр.

Ежи заволновался. Глаза забегали из стороны в сторону, он было приоткрыл рот, но передумал говорить.

Крум ничего не понял из сказанного. Восхищаясь тем, как достойно отвечал незнакомцу Демир, одновременно радовался за него: теперь в их отряде есть лидер. И его избрание случилось в присутствии Чембы — так что Стоян уже не отвертится, будет слушаться старика во всем.

— Ладно, — произнес наконец Баграт. — Ежи, объяснишь им все, потом приходите в поселок.

Одноногий пацан часто закивал, присел у мешка, который принес к костру, стал развязывать узел.

Владыка зажег лампу на поясе, махнул Чембе и хотел повернуться, чтобы уйти, но задержался и добавил:

— Только растолкуй им все доходчиво. — Ежи замер, так и не развязав узел. — Пусть побреются хорошенько, подстригутся, кому в том есть необходимость...

Он дернул острым подбородком в сторону Демира и продолжил:

— И с одеждой будь повнимательней, не хочу, чтобы в Москве их сразу признали за чужаков. Все должно быть естественно.

— Уразумел, Владыка, — выдохнул Ежи. — Сделаю.

Баграт снял лампу с пояса и зашагал в ночь.

Чемба прошел мимо стоявших неровным строем следопытов, заглядывая каждому в лицо. Тодору даже поддел трезубцем подбородок,

пристально так посмотрел в глаза, потом отступил на шаг и гаркнул воинственное напутствие, на что пятерка ответила единым кличем, призвав в свидетели духов Донной пустыни.

*

Вик подтянул разводным ключом клапан на стенке парового котла, постучал по медным изогнутым трубкам, убежавшим в короб над головой, и выбрался из-под станины с наковальней.

— Порядок, заводи! — кивнул он Георгу.

Щурясь от яркого света карбидных ламп, развешенных под потолком, Вик встал за спиной у киборга, наблюдая, как тот проворачивает большое колесо-маховик, держась за рукояти.

— Бяшка, — позвал Георг.

— Чего? — радостно отозвался тот, заерзав на верстаке, сколоченном из толстых брусьев в дальней части мастерской.

— Сгоняй до Фёклы, поесть принеси, вот чего.

Было жарко, торс и плечи Вика лоснились от пота.

Босой, в одних штанах, подвернутых до колен, он следил за манометрами, чтобы давление в системе не прыгнуло, как в прошлый раз, когда котел чуть не взорвался.

Они провозились с прессом целый день в поисках неполадки и только к вечеру разобрались, заменив неисправную деталь, правда, для этого им пришлось срезать автогеном правую стойку вместе с трубками, разобрать короб и после сварить все заново.

— Воды принеси! — крикнул вдогонку Вик, когда Бяшка прошмыгнул за его спиной к воротам.

— Сколько? — донеслось с улицы.

— Ведерко! Мыться будем.

Вик снова повернулся к прессу, который занимал почти половину мастерской. Георг застопорил колесо, следя за шайбами манометров, шагнул к двум длинным рычагам, торчащим из левой стойки, рядом с наковальней. Взявшись за рукояти, потянул один вверх, другой — вниз. Блестящий поршень с молотом на конце плавно пошел к потолку, скользя по вертикальным направляющим, с шипением из патрубков под ним вырывались струи пара.

Вик вздрогнул, когда молот грохнул о наковальню. Опять пополз вверх, уже быстрее, и ритмично забухал по станине, сотрясая пол и стены мастерской.

— Порядок, — сказал Вик. — Глуши.

Киборг закрутил небольшой вентиль, тихонько стукнул титановым пальцем по манометру на конце изогнутой трубки под паровым котлом и взялся за колесо-маховик.

Подойдя к верстаку, Вик сложил инструменты в ящик. Снял с гвоздя в стене драный халат и стал вытирать лицо, шею, плечи, косясь на Георга.

Некоторые детали киборга соединялись жгутами разноцветных проводов. Даже при полуденном солнце Георг редко ходил без верхней одежды, надевал обычно куртку с глухим воротом и рукавицы из мешковины: не всем по нраву вид полуголого человека-машины. Такие создания — большая редкость в Московии и окрестностях.

Ходили слухи, что в Вертикальном городе есть место, где делают не только подобные руки-механизмы. В лабораториях (отец когда-то разъяснил Вику смысл этого слова) города могут изготовить и ноги, заменить живот со всеми внутренностями, даже голову или сердце,

причем киборг сохранит здравый рассудок, способность есть обычную пищу, а по стянутым в жгуты проводам механическое сердце будет перекачивать кровь. Вик, впрочем, не всему верил. Ну ладно руки-ноги или даже кишки, но — голову? В ней же мозги, штука тонкая, хитрая... Он как-то видел их изображение в древнем медицинском справочнике из библиотеки отца, читал комментарии мелким шрифтом, правда, мало что понял.

— Вовремя ты объявился, — сказал Георг, подкатив тележку со сварочным аппаратом к стойке с газовыми баллонами у стены. Улыбнулся и подошел к верстаку. — Не справился бы без тебя. Считаю, прописка в клане состоялась. Завтра Егорыч доложит Сельге Инесу, что все готово к работе. Ночью бассейн наполнят... За сезон соберем три урожая.

— Ого! — воскликнул Вик. — Много.

— Да, обычно больше двух не выходит. — Георг кивнул, взяв из ящика с инструментами ветошь. — Тут вода чище, солнца больше. — И принялся протирать масляные потеки на предплечье.

Днем в мастерскую заглядывал Егорыч — старшина клана. Киборг ему быстро втолковал, что пресс без Вика не наладить, что тот готов

работать лишь за кормежку, денег не попросит. Старшине на самом деле было начхать на новенького, главное для него — подряд к сроку выполнить, которым Южное братство снабдило бурильщиков. Сошлись на том, что если починит Вик пресс, то остается в клане при мастерской, нет — пойдет собирать улиток. Тяжелая, изнурительная работа, от которой крыша к концу декады едет, настолько запах улиточной слизи вреден для организма. В страду даже маска не особо спасает от испарений.

Георг бросил ветошь в ящик, опустив голову, поглядел, как работает механизм в предплечье, и недовольно поморщился. Потом шагнул к сварочному аппарату, отсоединил шланг, тянувшийся к стойке с газовыми баллонами, воткнул конец в гнездо на локтевом сгибе, спросил:

— Первое время в мастерской поживешь? — Отвернул вентиль и уставился на стрелку манометра, прикрученного к баллону.

Скомкав халат, Вик уселся на верстак. Потрогал шершавые доски, хлопнул себя по бедрам.

— Согласен.

— Вот и хорошо.

Когда стрелка заползла в красный сектор, газ с шипением вырвался из старой оплетки. Киборг завернул вентиль, выдернул шланг из гнезда и воткнул обратно в сварочный аппарат. Сжал и разжал кулак, крутанул предплечьем. После заправки пневмосистемы его конечности стали двигаться быстрее.

— Из верстака лежанку сделаем, я тебе свой матрац принесу. — Георг прошел в дальний угол, где на стуле сохла его куртка, постиранная Бяшкой. Сел, протянув руку к полкам — на одной Вик заметил старенький приемник, — взял две люминевых кружки, плетеную бутылку и зубами вытащил пробку.

— Почти домашние условия. — Вик развернул халат.

— Будешь? — Георг качнул бутылкой.

— Ага.

— Между прочим, с самого Крыма. — Звякнув кружками, киборг наполнил их вином. — Сезон назад в Лужниках брал, тогда цены другие были... — Он поставил бутылку на полку и с грустью вздохнул: — Сейчас все по-другому. Не так, как раньше. — Протянул Вику кружку. — Выпьем за лучшее.

— За перемены к лучшему.

Они выпили. Киборг откинулся на стуле, разглаживая бороду, довольно крякнул.

— Георг... — начал Вик. От вина в голове у него слегка зашумело, приятное тепло растеклось в животе, во рту остался сладковатый сливовый привкус. — Взгляни, пока Бяшка не вернулся. — Он достал из халата висевшее на шнурке распятые покойного Геста и протянул киборгу.

Тот зажал кружку коленями, взял с полки небольшой футляр, вынул из него очки с увеличительными стеклами и взглянул на распятые.

— Интересно, — пробормотал он, наклонил голову к плечу, рассматривая разъем с обратной стороны распятыя. — Занятная вещица. Где ты ее взял? Отобрал вместе с саблей у кетчеров? — Он снял очки, спрятал в футляр.

— Нет, саблю нашел Бяшка, с нею сами решайте, продавать на рынке или придержать. — Вик слез с верстака. — Так чего с распятыем, ты знаешь, что это?

— Не совсем, — уклончиво ответил киборг. Подцепил высохшую куртку, накинул на плечи.

— Что значит не совсем? — Вик подошел к воротам из мастерской.

Над лагерем давно сгустилась ночь. Вдалеке под холмом, где на дороге стояла застава, горел фонарь, освещающая часть сарая, обнесенного колючей проволокой, и шлагбаум. Возле него переминался часовой с карабином на плече. Рядом с мастерской никого не было, с противоположной стороны из бассейна доносилось урчание мотоплугов. Бурильщики не останавливали работу даже ночью, видать и вправду подряд от Южного братства важен для них, раз пыhtят, не покладая рук.

Вик вернулся к верстаку.

— Что скажешь, Георг?

Киборг задумчиво крутил распятыe.

— Это накопитель, — произнес он после раздумий.

— Накопитель чего? — нахмурился Вик.

— Информации.

— Как это?

Георг почесал бороду, развернул распятыe

обратной стороной к Вику.

— Видишь, тут разъем. — Он коснулся пальцем плоского выступа, обрамленного медным прямоугольником.

— И что?

— Особый разъем, который включает накопитель, если подсоединить его к особому устройству.

— Что за устройство?

— Вычислительная машина.

— Откуда знаешь? — У Вика пересохло во рту, хмель почти выветрился, голова пошла кругом от вопросов.

— Я не помню своего прошлого, — вдруг сухо сказал Георг, возвращая распятые. — А про это... просто знаю. — И пожал плечами.

— Что такое вычислительная машина? — Обмотав шнурком распятые, Вик снова уселся на верстаке.

— Сложный механизм, в двух словах не расскажешь, — неохотно произнес киборг, явно потерявший всякий интерес к разговору. Его

взгляд на миг затуманился, зажмурившись, Георг потер ладонями лицо, потом резко встал. — Ну где этого сорванца носит? Ночь на дворе, поди, ужин давно остыл... — Георг на ходу натянул куртку, подпоясался и наглухо застегнул высокий ворот. Прошел к воротам, постоял, направился к прессу, не дойдя, развернулся и пошагал обратно.

«Почему киборг вмиг изменился? — задумался Вик. — Весь день был приветлив, сильно выручил на заставе, когда они с Бяшкой подкатили на сендере к лагерю и с этим Игнатом из Южного братства базарили, потом с Егорычем договорился. Готов к себе в мастерскую поселить. А сейчас нос воротит, разговаривать не хочет».

Вик взглянул на распятье. Накопитель информации. «На-ко-пи-тель», — повторил он про себя, едва шевеля губами, пробуя слово на вкус. Какой информации? Как можно во что-то маленькое поместить... Нет, тут надо по-другому мыслить. Георг сказал про вычислительную машину. Что она вычисляет?.. Он оглядел мастерскую. Дробильный пресс, сварочный аппарат — тоже машины, но они имеют другое назначение... Опять не так. Тупик. Был бы жив отец, он непременно объяснил бы, у него всегда были ответы на все вопросы.

— Пойдем, — долетел с улицы Бяшкин голос.
— Пойдем, говорю. Никто тебя там не тронет.

Они знаешь какие механики, ого-го! Что угодно починят.

Георг быстро подошел к воротам.

— Где тебя носит, мелкий раз... бойник, — все-таки закончил он и отступил на шаг.

На пороге появился Бяшка с котелком в руке, откуда поднимался пар. Мастерская быстро наполнилась запахом вкусного варева. Другой рукой он крепко сжимал ладонь девушки. Она была чуть выше него, с волнистыми черными волосами, собранными в хвост на затылке, одета в курточку из дубленой кожи с маленькой кобурой на узком ремешке, кремовые штаны из плотной ткани и светло-коричневые сапожки. Увидав полуголого, к тому же чумазого Вика, она смущенно прикрыла раскосые глаза рукой и хихикнула.

Георг обернулся:

— Накинь что-нибудь.

Вик, не шелохнувшись, смотрел на девушку. Она была изящна.

Киборг шагнул к нему, заслонив обзор, толкнул легонько в грудь и зашипел:

— Очнись, Вик. Это дочь самого Сельги Инеса.

— Чья дочь? — Вик выглянул из-за плеча Георга, пытаясь вновь встретиться с девушкой взглядом, сознавая, что Георг прав, надо бы одеться. Но ноги приросли к полу; он не хотел терять девушку из вида.

Киборг не выдержал, схватил его под локти, развернул и со словами: «Халат хотя бы накинь», — пихнул к верстаку.

Пока он одевался, Бяшка повел девушку по мастерской, рассказывая с важным видом о назначении агрегатов. Георг протер и без того чистый стул, переставил ближе к воротам и сказал:

— Садись. Устала с дороги?

— Спасибо, дядя Георг, — девушка опустилась на стул. — Немного.

Она украдкой глянула на Вика и улыбнулась.

— Приехала с отцом? — спросил Георг. Поймав Бяшку за руку, шепнул тому, чтобы встал к верстаку и не путался под ногами.

— Да. На нефтяном заводе так скучно... Все постоянно чем-то заняты. В Капотне не так, как в

Москве, вот я и напросилась. Отец сейчас в настроении, ваш старшина...

Она наклонила голову, коснувшись пальцем лба над переносицей, слегка нахмурилась.

— Егорыч, — подсказал Бяшка и прикусил язык, когда Георг сурово посмотрел на него.

— Да. — Девушка подняла взгляд. — Ваш Егорыч сообщил, что вы наладили пресс, бассейн готов к посевной. Отец очень доволен бурильщиками.

Киборг покивал, быстро проверил, хорошо ли застегнут ворот на шее, одернул полы куртки.

— А что же тебя... — Он опять оглянулся на Бяшку. Видимо, появление девушки в столь поздний час не совсем обрадовало Георга, чего нельзя было сказать про Вика. — Что привело к нам?

— Вот этот лопоухий сорванец.

Она звонко засмеялась, запрокинув голову. Бяшка фыркнул, и Вик понял, что все это время улыбается в ответ. Какой приятный у нее голос. И почему Георг так суетится? Что такого, если к ним на огонек заглянула дочка Сельги Инеса?

— На самом деле, — заговорила девушка, поправив выбившуюся прядь, расстегнула кобуру, — вы почините это?

Протянув киборгу маленький серебристый пистолет, она с любопытством уставилась на Вика.

— Дядя Георг, у вас появился помощник?

— Да. — Киборг выщелкнул магазин. — А что с ним не так?

— С кем? — Девушка повернулась на стуле. — А, с пистолетом... не стреляет.

Сам не зная почему, Вик шагнул к Георгу, отобрал у него пистолет и, вернувшись к верстаку, быстро разобрал. Ударник оказался спилен. Странно, зачем таскать с собой оружие, которое нельзя пустить в дело?

— Мне нужен день, — уверенно заявил он, — чтобы починить пистолет.

За воротами раздались голоса.

— Меня уже ищут. — Дочь Сельги Инеса поднялась со стула. — Значит, завтра?

Она смотрела на Вика своими раскосыми

темными глазами, и у того приятно кольнуло в груди. Ладони стали теплыми, по плечам пробежала легкая дрожь.

— Завтра. — Получилось как-то хрипло, Вик не узнал собственный голос. Вдохнув, добавил: — Завтра все будет готово.

Улыбнувшись, она кивнула и молча вышла из мастерской.

Глава пятая

Идти в одежде было неудобно. Плотные штаны из брезента терли яйца, Крум морщился, поглядывая на остальных следопытов, шагавших впереди. Похоже, им также не по себе от того, что их заставили натянуть человеческие шмотки. Как люди столько тряпок на себе таскают? Длиннополые накидки, которые Ежи обозвал плащами, стесняли движения рук, тело под ними сильно потело. Стоян постоянно двигал плечами, ткань одежды на его спине натянулась, он с радостью бы распорол ее по шву, чтобы тот не впивался в хребет. В тяжелых, намазанных черным кремом сапогах, не получалось шагать тихо. Ребристая нестигаемая подошва с массивным каблуком бухала о землю, Круму казалось, что их отряд двигается громче стада пьяных манисов, обожравшихся побегов мамми в сезон Большого солнца. К тому же вакса на сапогах воняла хуже кохара, перебивая все окружающие запахи. Ежи сказал, что люди мажут ей обувь, чтобы та не промокала и блестела на солнце, что это отличительный знак опрятного человека, следящего за своим внешним видом.

«Как все сложно у людей», — в очередной раз подумал Крум, притормозив, чтобы одернуть штаны на мошонке. Прав был Демир, не стоило им с Крыма уходить, в Московии все по-другому

устроено. Люди живут в городе большем, чем три Херсон-Града. Здесь правят сильные кланы, у которых есть мощное оружие и машины.

Воинов у Чембы все меньше, гибнут мутанты, а за что? Им обещали новые земли, но чем они лучше Крыма или Донной пустыни?

Демир, приотстав от остальных, обернулся. Сдвинув кепку на затылок, почесал обритую плавником катрана голову, и когда Крум подошел ближе, тихо произнес:

— Будем в Москве, держись братьев. Старайся, чтобы они рта не открывали. Отвечай за них, если меня рядом не окажется.

Переварив услышанное, следопыт понял мысль старика. Живу и Стояну с людьми всегда было трудно общаться, по речи в них легко признать мутантов. Тодору легче всех, он за него сойдет.

Крум кивнул и спросил:

— Как думаешь, зачем в Москву едем?

Демир придержал его за руку, чтобы остальные во главе с Ежи отошли подальше, и заговорил:

— Хитрость Баграт замышляет, но какую, пока не знаю. Видишь, как слуга евонный нам тщательно одежду подобрал. Мы на старателей похожи, что нефть добывают.

Одноногий пацан оглянулся, махнул им, мол, не отставайте, и ускорил шаг.

Старик помолчал и продолжил еще тише:

— Думаю, лазутчиками прямо в клан зашлют. К людям. Сведения Владыке нужны, иначе в войне не победить.

Крум посмотрел на Демира и понял: старику все не по душе. В его взгляде были тоска и сожаление. Старик явно думал об одном, говорил другое. Крум не стал выведывать настоящих мыслей старого следопыта.

— Кто такой Баграт? — спросил он.

— Тише, — шикнул Демир, следя за Ежи. Спустя пару мгновений ответил: — Владыка киевского Храма.

— Главный в Ордене? — Крум округлил глаза.

— Да.

Демир зашагал быстрее. Их отряд покинул

свой лагерь у Разлома и свернул в небольшую низину, где горели костры и стояли множество навесов, сплетенных из тростника. Под ними спали воины Чембы. Всюду в землю были воткнуты копья, с висящими на древках щитами и кривыми саблями. Дежурившие у костров мутанты удивленными взглядами провожали следопытов. Пару раз вскакивали, хватаясь за оружие, но, признав своих, пропускали дальше.

— Видите? — радостно сказал Ежи, обернувшись. — Не узнают. Это хорошо... замечательно! Владыка рад будет. Не ошибся я в выборе, про вас легенды сложат. Вы измените ход истории!

Стоял что-то промычал в ответ, Жив с Тодором промолчали, а Крум и Демир многозначительно переглянулись. Оба не разделяли радости одноногого. Крум, стараясь отвлечься от тягостных мыслей, стал думать, как удобней спрятать оружие в складках одежды, чтобы потом выхватывать быстро, не запутавшись в полах плаща. Демир не проронил больше ни слова. Они пересекли Можайский тракт, вошли в поселок с домами из белого камня, оставив по правую руку мост через Разлом. Тут тоже горели костры, но вокруг никого не было. Совсем захмелев, отметившие недавнюю победу мутанты перебрались в жилища людей и крепко спали. Крум успел

подумать, что сейчас пятеро следопытов легко бы разделались с войском Чембы, но тут же переменял мнение, заведя в окнах дома, куда направлялся Ежи, высокие силуэты с факелами. Охранники мутантского вождя справно несли свою службу, следя за улицей.

Ежи обменялся с ними условными знаками и вошел в дом. Стуча штырем по ступеням, провел пятерку мутантов на второй этаж и остановился перед раскрытой дверью. Из нее в узкий коридор лился яркий свет карбидных ламп и доносился голос Владыки Баграта. Тот очень быстро говорил что-то про Киев.

— Ежи! — вдруг крикнул Баграт. — У тебя все готово?

Одноногий пацан кивнул.

— Заходите. Скорей. — Он призывно замахал следопытам и посторонился, пропуская их в комнату.

Она оказалась просторной. Справа от входа, возле стеллажей с ящиками на полках, опираясь на длинную клюку, стоял, блестя лысиной, смуглокожий коренастый Илай.

Крум сразу узнал переговорщика из племени Чембы по большим очкам с темными стеклами,

которые тот почти никогда не снимал. Глаза у Илая особенные, до глубины зеленые, не переносят солнечного света, зато ночью он ими видит как днем. На переговоришке был светлый плащ, кожаные штаны и стоптанные башмаки со шнурками.

За столом напротив двери сидел Владыка Багра́т. Он быстро писал толстым карандашом на сером листе бумаги. Нижняя часть карандаша была из рифленого железа. Крум привык отмечать для себя такие мелочи, в умелых руках карандаш легко становился оружием. Слева от входа в стене была арка, за ней виднелась еще одна комната, где у окон дежурили рослые воины Чембы с факелами в руках.

Багра́т бросил карандаш, сложил лист вчетверо и протянул Илаю со словами:

— Отдашь в Киеве брату Крипте. Лично.

Переговори́к кивнул. Взял бумагу, скрутил трубочкой и сунул в заготовленную для этого гильзу. Сплюснув кончик зубами, спрятал ее в мешочек с кохаром, висевший на груди, и поднял голову.

— Помнишь брата Крипту, Илай? — Багра́т пристально смотрел на мутанта.